

Леший — текст 2 из 2

Александр Владимирович Серебряков, отставной профессор.

Елена Андреевна, его жена, 27 лет.

Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака, 20 лет.

Марья Васильевна Войницкая, вдова тайного советника, мать первой жены профессора.

Егор Петрович Войницкий, ее сын.

Леонид Степанович Желтухин, не кончивший курса технолог, очень богатый человек.

Юлия Степановна (Юля), его сестра, 18 лет.

Иван Иванович Орловский, помещик.

Федор Иванович, его сын.

Михаил Львович Хрущов, помещик, кончивший курс на медицинском факультете.

Илья Ильич Дядин.

Василий, слуга Желтухина.

Семен, работник на мельнице.

и Юля

Юля. Ты бы лучше надел серенький костюмчик. Этот тебе не к лицу.

Желтухин. Все равно. Пустяки.

Юля. Ленечка, отчего ты такой хмурый? Разве можно так в день рождения? Какой же ты нехороший!.. (Кладет ему голову на грудь.)

Желтухин. Поменьше любви, пожалуйста!

Юля (сквозь слезы). Ленечка!

Желтухин. Вместо этих кислых поцелуев, разных там любящих взглядов и башмачков для часов, которые ни на какой черт мне не нужны, ты бы лучше просьбы мои исполняла! Отчего ты не написала Серебряковым?

Юля. Ленечка, я написала!

Желтухин. Кому ты написала?

Юля. Сонечке. Я просила ее приехать сегодня непременно, непременно к часу. Честное слово, написала!

Желтухин. Однако уж третий час, а их нет... Впрочем, как им угодно! И не нужно! Все это нужно оставить, ничего из этого не выйдет... Одни только унижения, подлое чувство и больше ничего... Она на меня и внимания не обращает. Я некрасив, неинтересен, ничего во мне нет романического, и если она выйдет за меня, то только по расчету... за деньги!..

Юля. Некрасив... Ты о себе не можешь понимать.

Желтухин. Ну да, точно я слепой! Борода растет отсюда, из шеи, не так, как у людей... Усы какие-то, черт их знает... нос...

Юля. Что это ты за щеку держишься?

Желтухин. Опять болит под глазом.

Юля. Да и напухло немножко. Дай я поцелую, оно и пройдет.

Желтухин. Глупо!

и Войницкий

и Войницкий

Орловский. Манюня, когда же мы есть будем? Уж третий час!

Юля. Крестненький, да ведь еще Серебряковы не приехали!

Орловский. До каких же пор их ждать? Я, лапочка, есть хочу. Вот и Егор Петрович хочет.

Желтухин (Войницкому). Ваши приедут?

Войницкий. Когда я уезжал из дому, Елена Андреевна одевалась.

Желтухин. Значит, наверное будут?

Войницкий. Наверное ничего нельзя сказать. Вдруг у нашего генерала подагра или каприз какой вот и останутся.

Желтухин. В таком случае давайте есть. Что же ждать? (Кричит.) Илья Ильич! Сергей Никодимыч!

и два-три гостя

и гости

Желтухин. Пожалуйста закусить. Милости просим. (Около закуски.)

Серебряковы не приехали, Федора Иваныча нет, Леший тоже не приехал... Забыли нас!

Юля. Крестненький, выпьете водки?

Орловский. Самую малость. Вот так... Достаточно.

Дядин (повязывая на шею салфетку). А какое у вас превосходное хозяйство, Юлия Степановна! Еду ли я по вашему полю, гуляю ли под тенью вашего сада, смотрю ли на этот стол, всюду вижу могучую власть вашей волшебной ручки. За ваше здоровье!

Юля. Неприятностей много, Илья Ильич! Вчера, например, Назарка не загнал индюшат в сарайчик, ночевали они в саду на росе, а сегодня пять индюшат издохло.

Дядин. Это нельзя. Индюшка птица нежная.

Войницкий (Дядину). Вафля, отрежь-ка мне ветчины!

Дядин. С особенным удовольствием. Прекрасная ветчина. Одно из волшебств тысяча и одной ночи. (Режет.) Я тебе, Жорженька, отрежу по всем правилам искусства. Бетховен и Шекспир так не умели резать. Только вот ножик тупой. (Точит нож о нож.)

Желтухин (вздрагивая). Вввв!.. Оставь, Вафля! Я не могу этого!

Орловский. Рассказывайте же, Егор Петрович. Что у вас дома делается?

Войницкий. Ничего не делается.

Орловский. Что нового?

Войницкий. Ничего. Все старо. Что было в прошлом году, то и теперь. Я, по обыкновению, много говорю и мало делаю. Моя старая галка тапан все еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу, а другим ищет в своих умных книжках зарю новой жизни.

Орловский. А Саша?

Войницкий. А профессора, к сожалению, еще не съела моль. По-прежнему от утра до глубокой ночи сидит у себя в кабинете и пишет. Напрягши ум, наморщивши чело, всё оды пишем, пишем, и ни себе, ни им похвал нигде не слышим. Бедная бумага! Сонечка по-прежнему читает умные книжки и пишет очень умный дневник.

Орловский. Милая ты моя, душа моя...

Войницкий. При моей наблюдательности мне бы роман писать. Сюжет так и просится на бумагу. Отставной профессор, старый сухарь, ученая вобла...

Подагра, ревматизм, мигрень, печёнка и всякие штуки... Ревнив, как Отелло. Живет поневоле в имение своей первой жены, потому что жить в городе ему не по карману. Вечно жалуется на свои несчастья, хотя в то же время сам необыкновенно счастлив.

Орловский. Ну вот!

Войницкий. Конечно! Вы только подумайте, какое счастье! Не будем говорить о том, что сын простого дьячка, бурсак, добился ученых степеней и кафедры, что он его превосходительство, зять сенатора и прочее. Все это неважно. Но вы возьмите вот что. Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Ровно двадцать пять лет он жуёт чужие мысли о реализме, тенденции и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно, значит, равно двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. И в то же время какой успех! Какая известность! За что? Почему? По какому праву?

Орловский (хохочет). Зависть, зависть!

Войницкий. Да, зависть! А какой успех у женщин! Ни один Дон-Жуан не знал такого полного успеха! Его первая жена, моя сестра, прекрасное, кроткое создание, чистая, как вот это голубое небо, благородная, великодушная, имевшая поклонников больше, чем он учеников, любила его так, как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами. Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей

священный ужас. Его вторая жена, красавица, умница, вы ее видели, вышла за него, когда уж он был стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск... За что? Почему? А ведь какой талант, какая артистка! Как чудно играет она на рояли!

Орловский. Вообще талантливая семья. Редкая семья.

Желтухин. Да, у Софьи Александровны, например, великолепнейший голос. Удивительное сопрано! Не слышал ничего подобного даже в Петербурге. Но, знаете ли, слишком форсирует в верхних нотах. Этакая жалость! Дайте мне верхние ноты! Дайте мне верхние ноты! Ах, будь эти ноты, ручаюсь вам головой, из нее получилось бы... удивительное, понимаете ли... Виноват, господа, мне нужно сказать Юле два слова. (Отводит Юлю в сторону.) Пошли к ним верхового. Напиши, что если им нельзя сейчас приехать, то чтоб хоть к обеду. (Тише.) Да не будь душой, не срами меня, пиши пограмотней... Ехать пишется через ять... (Громко и ласково.) Пожалуйста, мой друг.

Юля. Хорошо. (Уходит.)

Дядин. Говорят, что супруга профессора, Елена Андреевна, которую я не имею чести знать, отличается красотой своих не только душевных, но и внешних качеств.

Орловский. Да, чудесная барыня.

Желтухин. Она верна своему профессору?

Войницкий. К сожалению, да.

Желтухин. Почему же к сожалению?

Войницкий. Потому что эта верность фальшива от начала до конца. В ней много риторики, но нет логики. Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство это не безнравственно. Где же тут, черт возьми, логика?

Дядин (плачущим голосом). Жорженька, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну вот, право... Я даже дрожу... Господа, я не обладаю талантом и цветами красноречия, но позвольте мне без пышных фраз высказать вам по совести... Господа, кто изменяет жене или мужу, тот, значит, неверный человек, тот может изменить и отечеству!

Войницкий. Заткни фонтан!

Дядин. Позволь, Жорженька... Иван Иванович, Ленечка, милые мои друзья, возьмите вы во внимание коловратность моей судьбы. Это не секрет и не покрыто мраком неизвестности, что жена моя бежала от меня на другой день после свадьбы с любимым человеком по причине моей непривлекательной наружности...

Войницкий. И превосходно сделала.

Дядин. Позвольте, господа! После того инцидента я своего долга не нарушал.

Я до сих пор ее люблю и верен ей, помогаю, чем могу, и завещаю свое имущество ее деточкам, которых она прижила с любимым человеком. Я долга не нарушал и горжусь. Я горд! Счастья я лишился, но у меня осталась гордость. А она? Молодость уж прошла, красота под влиянием законов природы поблекла, любимый человек скончался, царство ему небесное... Что же у нее осталось? (Садится.) Я вам серьезно, а вы смеетесь.

Орловский. Человек ты добрый, прекрасная у тебя душа, но уж очень длинно говоришь и руками махаешь...

Федор Иванович. Здорово, ребята!

Орловский (радостно). Федюша милый, сын мой!

Федор Иванович (Желтухину). Поздравляю с днем рождения... расти большой... (Здоровается со всеми.) Родитель! Вафля, здравствуй! Приятного вам аппетита, хлеб да соль.

Желтухин. Где ты шатался? Нельзя так опаздывать.

Федор Иванович. Жарко! Водки выпить надо.

Орловский (любуясь им). Душа моя, борода ты моя великолепная... Господа, ведь красавец? Поглядите: красавец?

Федор Иванович. С новорожденным! (Пьет.) А Серебряковых нет?

Желтухин. Не приехали.

Федор Иванович. Гм... А где же Юля?

Желтухин. Не знаю, что она там застряла. Пора бы уж и пирог подавать. Я сейчас ее позову. (Уходит.)

Орловский. А наш Ленечка, новорожденный, сегодня что-то не в духе. Угрюм.

Войницкий. Просто скотина.

Орловский. Нервы расстроены, ничего не поделаешь...

Войницкий. Самолюбив очень, оттого и нервы. Скажите при нем, что эта селедка хороша, он сейчас же обидится: почему не его похвалили. Дрянцо порядочное. Вот он идет.

и Желтухин

и Юля

Юля. Здравствуй, Феденька! (Целуется с Федором Ивановичем.) Кушай, душечка. (Ивану Ивановичу.) Посмотрите, крестненький, какой я сегодня Ленечке подарок подарила! (Показывает башмачок для часов.)

Орловский. Дусенька моя, девочка моя, башмачок! Какая штука...

Юля. Одной золотой канители на восемь с полтиной пошло. Посмотрите на края: жемчужинки, жемчужинки, жемчужинки... А это буквы: Леонид

Желтухин. Тут шелком: кого люблю, того дарю...

Дядин. А позвольте мне посмотреть! Восхитительно!

Федор Иванович. Бросьте вы это... будет вам! Юля, вели-ка подать шампанского!

Юля. Феденька, это вечером!

Федор Иванович. Ну, вот еще вечером! Валяй сейчас! А то уйду. Честное слово, уйду. Где оно у тебя стоит? Я сам пойду возьму.

Юля. Всегда ты, Федя, в хозяйстве беспорядки делаешь. (Василию.) Василий, на ключ! Шампанское в кладовой, знаешь, в углу около кулька с изюмом, в корзине. Только смотри, не разбей чего-нибудь.

Федор Иванович. Василий, три бутылки!

Юля. Не выйдет из тебя, Феденька, хорошего хозяина... (Накладывает всем пирога.) Кушайте, господа, побольше... Обед еще не скоро, в шестом часу... Ничего из тебя, Феденька, не выйдет... Пропавший ты человек.

Федор Иванович. Ну, пошла отчитывать!

Войницкий. Кажется, кто-то подъехал... Слышите?

Желтухин. Да... Это Серебряковы... Наконец-то!

Василий. Господа Серебряковы приехали!

Юля (вскрикивает). Сонечка! (Убегает.)

Войницкий (поет). Пойдем встретим, пойдем встретим... (Уходит.)

Федор Иванович. Эка обрадовались!

Желтухин. Как в людях мало такта! Живет с профессоршей и не может скрыть этого.

Федор Иванович. Кто?

Желтухин. Да вот Жорж. Так ее расхваливал сейчас, когда тебя не было, что даже неприлично.

Федор Иванович. Откуда ты знаешь, что он с ней живет?

Желтухин. Точно я слепой... Да и весь уезд говорит об этом...

Федор Иванович. Вздор. Пока с ней никто не живет, но скоро буду жить я... Понимаешь? Я!

, Марья Васильевна, Войницкий под руку с Еленой Андреевной, Соня и Юля Юля (целует Соню). Милая! Милая!

Орловский (идя навстречу). Саша, здравствуй, голубушка, здравствуй, матушка! (Целуется с профессором.) Здоров? Слава богу?

Серебряков. А ты, кум? Ты ничего молодцом! Очень рад тебя видеть. Давно приехал?

Орловский. В пятницу. (Марье Васильевне.) Марья Васильевна! Как изволите поживать, ваше превосходительство? (Целует руку.)

Марья Васильевна. Дорогой мой... (Целует его в голову.)

Соня. Крестненький!

Орловский. Сонечка, душа моя! (Целует ее.) Голубушка, канареечка моя...

Соня. Лицо по-прежнему добренькое, сантиментальное, сладенькое...

Орловский. И выросла, и похорошела, и возмужала, душа моя...

Соня. Ну, как вы вообще? Что, здоровы?

Орловский. Страсть как здоров!

Соня. Молодчина, крестненький! (Федору Ивановичу.) А слона-то и не заметила. (Целуется с ним.) Загорел, оброс... настоящий паук!

Юля. Милая!

Орловский (Серебрякову). Как живешь, кум?

Серебряков. Да понемножку... Ты как?

Орловский. Что мне делается? Живу! Именье сыну отдал, дочек за хороших людей повыдавал, и теперь свободней меня человека нет. Знай себе гуляю!

Дядин (Серебрякову). Ваше превосходительство изволили несколько опоздать. В пироге уж значительно понизилась температура. Позвольте представиться: Илья Ильич Дядин, или, как некоторые весьма остроумно выражаются по причине моего рябого лица, Вафля.

Серебряков. Очень приятно.

Дядин. Madame! Mademoiselle! (Кланяется Елене Андреевне и Соне.) Здесь всё мои друзья, ваше превосходительство. Когда-то я имел большое состояние, но по домашним обстоятельствам, или, как выражаются в умственных центрах, по причинам, от редакции не зависящим, я должен был уступить свою часть родному моему брату, который по одному несчастному случаю лишился семидесяти тысяч казенных денег. Моя профессия: эксплуатация бурных стихий. Заставляю бурные волны вращать колеса мельницы, которую я арендую у моего друга Лешего.

Войницкий. Вафля, заткни фонтан!

Дядин. Всегда с благоговением преклоняюсь (преклоняется) пред научными светилами, украшающими наш отечественный горизонт. Простите мне дерзость, с какою я мечтаю нанести вашему превосходительству визит и усладить свою душу беседою о последних выводах науки.

Серебряков. Прошу покорно. Буду рад.

Соня. Ну, рассказывайте, крестненький... Где вы зиму проводили? Куда исчезали?

Орловский. В Гмундене был, в Париже был, в Ницце, в Лондоне, дуся моя, был...

Соня. Хорошо! Счастливчик!

Орловский. Поедем со мной осенью! Хочешь?

Соня (поет). Не искушай меня без нужды...

Федор Иванович. Не пой за завтраком, а то у твоего мужа жена будет дура.

Дядин. Теперь интересно бы взглянуть на этот стол а vol d'oiseau¹. Какой восхитительный букет! Сочетание грации, красоты, глубокой учености, сла...

Федор Иванович. Какой восхитительный язык! Черт знает что такое! Говоришь

ты, точно кто тебя по спине рубанком водит...

Орловский (Соне). А ты, душа моя, все еще замуж не вышла...

Войницкий. Помилуйте, за кого ей замуж идти? Гумбольдт уж умер, Эдисон в Америке, Лассаль тоже умер... Намедни нашел я на столе ее дневник: во какой! Раскрываю и читаю: Нет, я никогда не люблю... Любовь это эгоистическое влечение моего я к объекту другого пола... И черт знает, чего только там нет? Трансцендентально, кульминационный пункт интегрирующего начала... тьфу! И где ты научилась?

Соня. Кто бы другой иронизировал, да не ты, дядя Жорж.

Войницкий. Что же ты сердишься?

Соня. Если скажешь еще хоть одно слово, то кому-нибудь из нас двоих придется уехать домой. Я или ты...

Орловский (хохочет). Ну, характер!

Войницкий. Да, характер, доложу вам... (Соне.) Ну, лапку! Дай лапку! (Целует руку.) Мир и согласие... Не буду больше.

Хрущов (выходя из дому). Зачем я не художник? Какая чудная группа!

Орловский (радостно). Миша! Сыночек мой крестенький!

Хрущов. С новорожденным! Здравствуйте, Юлечка, какая вы сегодня хорошенькая! Крестенький! (Целуется с Орловским.) Софья Александровна... (Здоровается со всеми.)

Желтухин. Ну, можно ли так поздно приезжать? Где ты был?

Хрущов. У больного.

Юля. Пирог давно уже простыл.

Хрущов. Ничего, Юлечка, я холодного поем. Где же мне сесть?

Соня. Садитесь сюда... (Дает ему место рядом.)

Хрущов. Великолепная сегодня погода, и аппетит у меня адский... Постойте, я водки выпью... (Пьет.)

Орловский. Да, давненько не видались. Ведь я за границей был.

Хрущов. Слышал, слышал... Позавидовал вам. Федор, а ты как живешь?

Федор Иванович. Ничего, вашими молитвами, как столбами, подпираемся...

Хрущов. Дела твои как?

Федор Иванович. Не могу пожаловаться. Живем. Только вот, братец ты мой, езды много. Замучился. Отсюда на Кавказ, из Кавказа сюда, отсюда опять на Кавказ и этак без конца, скачешь как угорелый. Ведь у меня там два имени!

Хрущов. Знаю.

Федор Иванович. Колонизацией занимаюсь и ловлю тарантулов и скорпионов. Дела вообще идут хорошо, но насчет уймиться, волнения страсти все обстоит по-прежнему.

Хрущов. Влюблен, конечно?

Федор Иванович. По этому случаю, Леший, надо выпить. (Пьет.) Господа,

никогда не влюбляйтесь в замужних женщин! Честное слово, лучше быть раненным в плечо и в ногу навывлет, как ваш покорнейший слуга, чем любить замужнюю... Такая беда, что просто...

Соня. Безнадежно?

Федор Иванович. Ну вот еще! Безнадежно... На этом свете ничего нет безнадежного. Безнадежно, несчастная любовь, ох, ах все это баловство. Надо только хотеть... Захотел я, чтоб ружье мое не давало осечки, оно и не дает. Захотел я, чтоб барыня меня полюбила, она и полюбит. Так-то, брат Соня. Уж если я какую намечу, то, кажется, легче ей на луну вскочить, чем от меня уйти.

Соня. Какой ты, однако, страшный...

Федор Иванович. От меня не уйдешь, нет! Я с нею не сказал еще трех фраз, а она уж в моей власти... Да... я ей только сказал: Сударыня, всякий раз, когда вы взглянете на какое-нибудь окно, вы должны вспомнить обо мне. Я хочу этого. Значит, вспоминает она обо мне тысячу раз в день. Мало того, я каждый день бомбандирую ее письмами.

Елена Андреевна. Письма это ненадежный прием. Она получает их, но может не читать.

Федор Иванович. Вы думаете? Гм... Живу я на этом свете тридцать пять лет, а что-то не встречал таких феноменальных женщин, у которых хватало бы мужества не распечатать письмо.

Орловский (любуясь им). Каков? Сыночек мой, красавец! Ведь и я таким был. Точь-в-точь таким! Только вот на войне не был, а водку пил и деньги мотал страшное дело!

Федор Иванович. Люблю я ее, Миша, серьезно, аспидски... Пожелай только она, и я отдал бы ей все... Увез бы ее к себе на Кавказ, на горы, жили бы мы припеваючи... Я, Елена Андреевна, сторожил бы ее, как верный пес, и была бы она для меня, как вот поет наш предводитель: И будешь ты царицей мира, подруга верная моя. Эх, не знает она своего счастья!

Хрущов. Кто же эта счастливица?

Федор Иванович. Много будешь знать, скоро состаришься... Но довольно об этом. Теперь начнем из другой оперы. Помню, лет десять назад Леня тогда еще гимназистом был праздновали мы вот так же день его рождения. Ехал я отсюда домой верхом, и на правой руке сидела у меня Соня, а на левой Юлька, и обе за мою бороду держались. Господа, выпьем за здоровье друзей юности моей, Сони и Юли!

Дядин (хохочет). Это восхитительно! Это восхитительно!

Федор Иванович. Как-то раз после войны пьянствовал я с одним турецким пашой в Трапезонде... Он меня и спрашивает...

Дядин (перебивая). Господа, выпьем тост за отличные отношения! Виват

дружба! Живьо!

Федор Иванович. Стоп, стоп, стоп! Соня, прошу внимания! Держу, черт меня возьми, пари! Кладу вот на стол триста рублей! Пойдем после завтрака на крокет, и я держу пари, что в один раз пройду все ворота и обратно.

Соня. Принимаю, только у меня трехсот рублей нет.

Федор Иванович. Если проиграешь, то споешь мне сорок раз.

Соня. Согласна.

Дядин. Это восхитительно! Это восхитительно!

Елена Андреевна (глядя на небо). Какая это птица летит?

Желтухин. Это ястреб.

Федор Иванович. Господа, за здоровье ястреба!

Орловский

Марья Васильевна. Софи, это неприлично!

Хрущов. Ох, виноват, господа... Сейчас кончу, сейчас...

Орловский. Это называется без ума смеяться.

Войницкий. Им обоим палец покажи, сейчас же захохочут. Соня! (Показывает палец.) Ну вот...

Хрущов. Будет вам! (Смотрит на часы.) Ну, отче Михаиле, поел, попил, теперь и честь знай. Пора ехать.

Соня. Куда это?

Хрущов. К больному. Опротивела мне моя медицина, как постылая жена, как длинная зима...

Серебряков. Позвольте, однако, ведь медицина ваша профессия, дело, так сказать...

Войницкий (с иронией). У него есть другая профессия. Он на своей земле торф копает.

Серебряков. Что?

Войницкий. Торф. Один инженер вычислил, как дважды два, что в его земле лежит торфу на семьсот двадцать тысяч. Не шутите.

Хрущов. Я копаю торф не для денег.

Войницкий. Для чего же вы его копаете?

Хрущов. Для того, чтобы вы не рубили лесов.

Войницкий. Почему же их не рубить? Если вас послушать, то леса существуют только для того, чтобы в них аукали парни и девки.

Хрущов. Я этого никогда не говорил.

Войницкий. И все, что я до сих пор имел честь слышать от вас в защиту лесов, все старо, несерьезно и тенденциозно. Извините меня, пожалуйста. Я сужу не голословно, я почти наизусть знаю все ваши защитительные речи...

Например... (Приподнятым тоном и жестикулируя, как бы подражая

Хрущову.) Вы, о люди, истребляете леса, а они украшают землю, они учат

человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. Где мягче климат, там меньше тратится сил на борьбу с природой, и потому там мягче и нежнее человек. В странах, где климат мягок, люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства. И так далее, и так далее... Все это мило, но так мало убедительно, что позвольте мне продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева.

Хрущов. Рубить леса из нужды можно, но пора перестать истреблять их. Все русские леса трещат от топоров, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. Надо быть безрассудным варваром (показывает на деревья), чтобы жечь в своей печке эту красоту, разрушать то, чего мы не можем создать. Человеку даны разум и творческая сила, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а только разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее. Вы глядите на меня с иронией, и все, что я говорю, вам кажется старым и несерьезным, а когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный вот этими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью от сознания, что я помогаю богу создавать организм.

Федор Иванович (перебивая). За твое здоровье, Леший!

Войницкий. Все это прекрасно, но если бы взглянули на дело не с фельетонной точки зрения, а с научной, то...

Соня. Дядя Жорж, у тебя язык покрыт ржавчиной. Замолчи!

Хрущов. В самом деле, Егор Петрович, не будем говорить об этом. Прошу вас.

Войницкий. Как угодно.

Марья Васильевна. Ах!

Соня. Бабушка, что с вами?

Марья Васильевна (Серебрякову). Забыла я сказать вам, Александр... потеряла память... сегодня получила я письмо из Харькова от Павла Алексеевича... Вам кланяется...

Серебряков. Благодарю, очень рад.

Марья Васильевна. Прислал свою новую брошюру и просил показать вам.

Серебряков. Интересно?

Марья Васильевна. Интересно, но как-то странно. Опровергает то, что семь

лет тому назад сам же защищал. Это очень, очень типично для нашего времени. Никогда с такою легкостью не изменяли своим убеждениям, как теперь. Это ужасно!

Войницкий. Ничего нет ужасного. Кушайте, тамап, карасей.

Марья Васильевна. Но я хочу говорить!

Войницкий. Но мы уже пятьдесят лет говорим о направлениях и лагерях, пора бы уж и кончить.

Марья Васильевна. Тебе почему-то неприятно слушать, когда я говорю.

Прости, Жорж, но в последний год ты так изменился, что я тебя совершенно не узнаю. Ты был человеком определенных убеждений, светлою личностью...

Войницкий. О да! Я был светлою личностью, от которой никому не было светло. Позвольте мне встать. Я был светлою личностью... Нельзя сострить ядовитей! Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза всякими отвлеченностями и схластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, и думал, что делаю хорошо... А теперь, если б вы знали, каким большим дураком я кажусь себе за то, что глупо проворонил время, когда мог бы иметь все, в чем отказывает мне теперь моя старость!

Серебряков. Постой. Ты, Жорж, точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения...

Соня. Довольно, папа! Скучно!

Серебряков. Постой. Ты точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения. Но виноваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения без дел мертвы. Нужно было дело делать.

Войницкий. Дело? Не всякий способен быть пишущим *perpetuum mobile*.

Серебряков. Что ты хочешь этим сказать?

Войницкий. Ничего. Прекратим этот разговор. Мы не дома.

Марья Васильевна. Совсем потеряла память... Забыла вам, Александр, напомнить, чтобы вы перед завтраком приняли капли. Привезла их, а напомнить забыла...

Серебряков. Не нужно.

Марья Васильевна. Но ведь вы больны, Александр! Вы очень больны!

Серебряков. Зачем же трезвонить об этом? Стар, болен, стар, болен... только и слышишь! (Желтухину.) Леонид Степаныч, позвольте мне встать и уйти в комнаты. Здесь немного жарко и кусают комары.

Желтухин. Сделайте такое одолжение. Завтрак кончился.

Серебряков. Благодарю вас. (Уходит в дом; за ним идет Марья Васильевна.)

Юля (брату). Иди за профессором! Неловко!

Желтухин (ей). Черт бы его взял (Уходит.)

Дядин. Юлия Степановна, позвольте вас поблагодарить от глубины души.

(Целует руку.)

Юля

Федор Иванович. Что же, господа, теперь будем делать? Пойдем сейчас на крокет пари держать... а потом?

Юля. А потом обедать.

Федор Иванович. А потом?

Хрущов. Потом приезжайте все ко мне. Вечером рыбную ловлю на озере устроим.

Федор Иванович. Превосходно.

Дядин. Восхитительно.

Соня. Так позвольте же, господа... Значит, сейчас мы пойдем на крокет пари держать... Потом пораньше пообедаем у Юли и этак часов в семь поедem к Леш... то есть вот к Михаилу Львовичу. Отлично. Пойдемте, Юлечка, за шарами, (Уходит с Юлей в дом.)

Федор Иванович. Василий, носи вино на крокет! Будем пить за здоровье победителей. Ну, отче, пойдем заниматься благородной игрой.

Орловский. Погоди, роднуша, мне нужно о профессором минуток пять посидеть, а то неловко. Этикет надо соблюсти. Пока поиграй моим шаром, а я Скоро... (Уходит в дом.)

Дядин. Пойду сейчас слушать учейшего Александра Владимировича.

Предвкушаю то высокое наслаждение, кото...

Войницкий. Ты надоел, Вафля. Иди.

Дядин. Иду-с. (Уходит в дом.)

Федор Иванович (идя в сад, поет). И будешь ты царицей мира, подруга верная моя... (Уходит.)

Хрущов. Я сейчас потихоньку уеду. (Войницкому.) Егор Петрович, убедительно прошу вас, не будем никогда говорить ни о лесах, ни о медицине. Не знаю почему, но когда вы заводите об этом речь, то у меня после этого весь день бывает такое чувство, как будто я пообедал из нелуженой посуды. Честь имею кланяться. (Уходит.)

и Войницкий

Войницкий. Узкий человек. Всем позволительно говорить глупости, но я не люблю, когда их говорят с пафосом.

Елена Андреевна. А вы, Жорж, опять вели себя невозможно! Нужно было вам спорить с Марьей Васильевной и с Александром, говорить о *perpetnum mobile*! Как это мелко!

Войницкий. Но если я его ненавижу!

Елена Андреевна. Ненавидеть Александра не за что, он такой же, как и все... и Юля

Войницкий. Если б вы могли видеть свое лицо, свои движения... Какая вам

лень жить! Ах, какая лень!

Елена Андреевна

Войницкий. Не люблю я этой философии!

Елена Андреевна

Войницкий. Могу ли я смотреть на вас иначе, если я люблю вас? Вы мое счастье, жизнь, моя молодость!.. Я знаю, шансы мои на взаимность равны нулю, но мне ничего не нужно, позвольте мне только глядеть на вас, слышать ваш голос...

Серебряков (в окне). Леночка, где ты?

Елена Андреевна. Здесь.

Серебряков. Иди посиди с нами, милая... (Скрывается.)

Войницкий (идя за нею). Позвольте мне говорить о своей любви, не гоните меня прочь, и это одно будет для меня величайшим счастьем.

Занавес

с высоты птичьего полета (франц.)

(сидит в кресле перед открытым окном и дремлет) и Елена Андреевна

Серебряков (очнувшись). Кто здесь? Соня, ты?

Елена Андреевна. Это я...

Серебряков. Ты, Леночка... Невыносимая боль!

Елена Андреевна. У тебя плед упал на пол... (Кутает ему ноги.) Я, Александр, затворю окно.

Серебряков. Нет, мне душно... Я сейчас задремал, и мне снилось, будто у меня левая нога чужая... Проснулся от мучительной боли. Нет, это не подагра, скорей ревматизм. Который теперь час?

Елена Андреевна. Двадцать минут второго.

Серебряков. Утром поищи в библиотеке Батюшкова. Кажется, он есть у нас.

Елена Андреевна. А?

Серебряков. Поищи утром Батюшкова. Помнится, он был у нас. Но отчего мне так тяжело дышать?

Елена Андреевна. Ты устал. Вторую ночь не спишь.

Серебряков. Говорят, у Тургенева от подагры сделалась грудная жаба. Боюсь, как бы у меня не было. Проклятая, отвратительная старость. Черт бы ее побрал. Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть.

Елена Андреевна. Ты говоришь о своей старости таким тоном, как будто все мы виноваты, что ты стар.

Серебряков. Тебе же первой я противен.

Елена Андреевна. Скучно! (Отходит и садится поодаль.)

Серебряков. Конечно, ты права. Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова,

красива, жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сих пор жив. Но погодите, скоро я освобожу вас всех. Недолго мне еще придется тянуть.

Елена Андреевна. Саша, я изнемогаю. Если за бессонные ночи я заслуживаю награды, то об одном только прошу: молчи! Бога ради, молчи. Больше мне ничего не нужно.

Серебряков. Выходит так, что благодаря мне все изнемогли, скучают, губят свою молодость, один только я наслаждаюсь жизнью и доволен. Ну да, конечно!

Елена Андреевна. Замолчи! Ты меня замучил!

Серебряков. Я всех замучил. Конечно!

Елена Андреевна (плача). Невыносимо! Скажи, чего ты хочешь от меня?

Серебряков. Ничего.

Елена Андреевна. Ну, так замолчи; я прошу.

Серебряков. Странное дело, заговорит Жорж или эта старая идиотка Марья Васильевна и ничего, все слушают, но скажи я хоть одно слово, как все начинают чувствовать себя несчастными. Даже голос мой противен. Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, но неужели я даже в старости не имею некоторого права на эгоизм? Неужели я не заслужил? Жизнь моя была тяжела. Я и Иван Иванович в одно время были студентами. Спроси его. Он кутил, ездил к цыганкам, был моим благодетелем, а я в это время жил в дешевом, грязном номере, работал день и ночь, как вол, голодал и томился, что живу на чужой счет. Потом был я в Гейдельберге и не видел Гейдельберга; был в Париже и не видел Парижа: все время сидел в четырех стенах и работал. А получив кафедру, я всю свою жизнь служил науке, как говорится, верой и правдой и теперь служу. Неужели же, я спрашиваю, за все это я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей?

Елена Андреевна

Сейчас будет дождь. Никто у тебя твоих прав не оспаривает.

Серебряков. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть к своему кабинету, к аудитории, к почтенным товарищам и вдруг ни с того ни с сего очутиться в этом склепе, каждый день видеть тут пошлых людей, слушать ничтожные разговоры. Я хочу жить, я люблю успех, люблю известность, шум, а тут точно в ссылке. Каждую минуту тосковать по прошлом, следить за успехами других, бояться смерти... не могу! Нет сил! А тут еще не хотят простить мне моей старости!

Елена Андреевна. Погоди, имей терпенье: через пять-шесть лет и я буду стара. Соня. Не знаю, отчего это так долго доктора нет. Я сказала Степану, что если он не застанет земского врача, то чтоб поехал к Лешему.

Серебряков. На что мне твой Леший? Он столько же понимает в медицине, как

я в астрономии.

Соня. Не выписывать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет.

Серебряков. Я с этим юродивым и разговаривать не стану.

Соня. Это как угодно. (Садится.) Мне все равно.

Серебряков. Который теперь час?

Елена Андреевна. Второй.

Серебряков. Душно... Соня, дай мне со стола капли!

Соня. Сейчас. (Подает капли.)

Серебряков (раздраженно). Ах, да не эти! Ни о чем нельзя попросить!

Соня. Пожалуйста, не капризничай! Может быть, это некоторым и нравится, но меня избавь, сделай милость. Я этого не люблю.

Серебряков. У этой девочки невозможный характер. Что же ты сердишься?

Соня. И почему ты говоришь таким несчастным тоном? Пожалуй, кто-нибудь подумает, что ты в самом деле несчастлив. А на земле мало таких счастливых, как ты.

Серебряков. Да, конечно! Я очень, очень счастлив!

Соня. Разумеется, счастлив... А если подагра, то ведь ты знаешь отлично, что к утру припадок кончится. Что же тут стонать? Экая важность!

Войницкий

Серебряков (испуганно). Нет, нет, не оставляйте меня с ним! нет! Он меня заговорит!

Войницкий. Но надо же дать им покой! Они уж другую ночь не спят.

Серебряков. Пусть идут спать, но и ты уходи. Благодарю. Умоляю тебя. Во имя нашей прежней дружбы, не протестуй. После поговорим.

Войницкий. Препней нашей дружбы... Это, признаюсь, для меня новость.

Елена Андреевна. Замолчите, Жорж.

Серебряков. Дорогая моя, не оставляй меня с ним! Он меня заговорит.

Войницкий

Хрущов. Какова погодка-то? За мной гнался дождь, и я едва ушел от него.

Здравствуйте. (Здоровается.)

Серебряков. Извините, вас побеспокоили. Я этого вовсе не хотел.

Хрущов. Полноте, что за важность! Но что это вы вздумали, Александр Владимирович? Как вам не стыдно хворать? Э, нехорошо! Что с вами?

Серебряков. Отчего это доктора обыкновенно говорят с больными снисходительным тоном?

Хрущов (смеется). А вы не будьте наблюдательны. (Нежно.) Пойдемте в постель. Здесь вам неудобно. В постели и теплей и покойней. Пойдемте... Там я вас выслушаю и... и все будет прекрасно.

Елена Андреевна. Слушайся, Саша, иди.

Хрущов. Если вам больно ходить, то мы снесем вас в кресле.

Серебряков. Ничего, я могу... я пойду... (Поднимается.)

и Войницкий

Елена Андреевна. Я замучилась с ним. Едва на ногах стою.

Войницкий. Вы с ним, а я с самим собою. Вот уж третью ночь не сплю.

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Ваша мать ненавидит все, кроме своих брошюр и профессора; профессор раздражен, мне не верит, вас боится; Соня злится на отца и не говорит со мною; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я нудная, тоже раздражена и сегодня раз двадцать принималась плакать. Одним словом, война всех против всех.

Спрашивается, какой смысл в этой войне, к чему она?

Войницкий. Оставим философию!

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Вы, Жорж, образованны и умны и, кажется, должны понимать, что мир погибает не от разбойников в не от воров, а от скрытой ненависти, от вражды между хорошими людьми, от всех этих мелких дрызг, которых не видят люди, называющие наш дом гнездом интеллигенции. Помогите же мне мирить всех! Одна я не в силах.

Войницкий. Сначала помирите меня с самим собой! Дорогая моя... (Припадает к ее руке.)

Елена Андреевна. Оставьте! (Отнимает руку.) Уходите!

Войницкий. Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет. Одного только меня не освежит гроза. Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и любовь: куда мне их девать, что мне из них делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну...

Елена Андреевна. Когда вы мне говорите о своей любви, я как-то тупею и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать вам. (Хочет идти.) Спокойной ночи!

Войницкий (загораживая ей дорогу). И если б вы знали, как я страдаю от мысли, что рядом со мною в этом же доме гибнет другая жизнь ваша! Чего вы ждете? Какая проклятая философия мешает вам? Поймите же, что высшая нравственность заключается не в том, что вы на свою молодость надели колодки и стараетесь заглушить в себе жажду жизни...

Елена Андреевна (пристально смотрит на него). Жорж, вы пьяны!

Войницкий. Может быть, может быть...

Елена Андреевна. Федор Иванович у вас?

Войницкий. Он у меня ночует. Может быть, может быть. Все может быть!

Елена Андреевна. И сегодня кутили? К чему это?

Войницкий. Все-таки на жизнь похоже... Не мешайте мне, Helene!

Елена Андреевна. Раньше вы никогда не пили и никогда вы так много не говорили, как теперь. Идите спать! Мне с вами скучно. И скажите вашему другу Федору Иванычу, что если он не перестанет надоедать мне, то я приму меры. Идите!

Войницкий (припадая к ее руке). Дорогая моя... Чудная!

Хрущов. Елена Андреевна, вас Александр Владимирович просит.

Елена Андреевна (вырывая от Войницкого руку). Сию минуту! (Уходит.)

Хрущов (Войницкому). У вас нет ничего святого! Вы и эта милая барыня, что сейчас вышла, вспомнили бы, что ее муж был когда-то мужем вашей родной сестры и что с вами под одной кровлей живет молодая девушка! О вашем романе говорит уже вся губерния. Какое бесстыдство! (Уходит к больному.)

Войницкий (один)

и Федор Иванович

Федор Иванович (в дверь). Вы одни здесь? дам нет? (Входит.) А меня гроза разбудила. Важный дождик. Который теперь час?

Войницкий. А черт его знает!

Федор Иванович. Мне как будто послышался голос Елены Андреевны.

Войницкий. Сейчас она была здесь.

Федор Иванович. Роскошная женщина! (Осматривает стаканы на столе.) Что это? Мятные лепешки? (Ест.) Да-с, роскошная женщина... Профессор болен, что ли?

Войницкий. Болен.

Федор Иванович. Не понимаю такого существования. Говорят, что древние греки бросали слабых и хилых детей в пропасть с горы Монблана. Вот таких бы надо бросать!

Войницкий (раздраженно). Не с Монблана, о с Тарпейской скалы. Какое грубое невежество!

Федор Иванович. Ну, со скалы так со скалы... черт ли в том? Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?

Войницкий. Оставь меня.

Федор Иванович. А то, может быть, в профессоршу влюблен? А? Что ж! Это можно... вздыхай... только послушай: если в сплетнях, вот что по уезду ходят, есть хоть одна сотая доля правды и если я узнаю, то не проси милости, сброшу тебя с Тарпейской скалы...

Войницкий. Она мой друг.

Федор Иванович. Уже?

Войницкий. Что значит это уже?

Федор Иванович. Женщина может быть другом мужчины только под таким условием: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг.

Войницкий. Пошляческая философия.

Федор Иванович. По этому случаю надо выпить. Пойдем, у меня, кажется, еще шартрез остался. Выпьем. А как рассветет, ко мне поедем. Идётся? У меня есть приказчик Лука, который никогда не скажет идет, а идёт. Мошенник страшный... Так идёт? (Увидев входящую Соню.) Батюшки-светы, извините, я без галстука! (Убегает.)

и Соня

Соня. А ты, дядя Жорж, опять пил шампанское с Федей и катался на тройке. Подружились ясные соколы. Ну, тот уж отпетый и родился кутилой, а ты-то с чего? В твои годы это совсем не к лицу.

Войницкий. Годы тут ни при чем. Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего.

Соня. Сено у нас не убрано; Герасим сегодня сказал, что оно сгниет от дождя, а ты занимаешься миражами. (Испуганно.) Дядя, у тебя на глазах слезы!

Войницкий. Какие слезы? Ничего нет... вздор... ты сейчас взглянула на меня, как покойная твоя мать. Милая моя... (Жадно целует руки и лицо.) Сестра моя... милая сестра моя... где она теперь? Если б она знала! Ах, если б она знала!

Соня. Что? Дядя, что знала?

Войницкий

и Хрущов

Хрущов. Ваш батюшка совсем не хочет слушаться. Я ему говорю подагра, а он ревматизм; я прошу его лежать, а он сидит. (Берет фуражку.) Нервы.

Соня. Избалован. Положите вашу шапку. Дайте дождю кончиться. Хотите закусить?

Хрущов. Пожалуй, дайте.

Соня. Я люблю по ночам закусывать. В буфете, кажется, есть что-то... (Роемся в буфете.) Разве ему доктор нужен? Ему нужно, чтобы около него сидела дюжина дам, заглядывала бы ему в глаза и стонала: Профессор! Вот берите сыр...

Хрущов. Таким тоном не говорят о родном отце. Согласен, он тяжелый человек, но если сравнить его с другими, то все эти дяди Жоржи и Иваны Иванычи не стоят его мизинца.

Соня

Хрущов. Гроза идет мимо, только краем захватит.

Соня (наливает). Пейте.

Хрущов. Сто лет вам жить. (Пьет.)

Соня. Вы сердитесь на нас за то, что мы побеспокоили вас ночью?

Хрущов. Напротив. Если бы вы меня не позвали, то я бы теперь спал, а видеть вас наяву гораздо приятнее, чем во сне.

Соня. Отчего же у вас такое сердитое лицо?

Хрущов. Оттого, что я сердит. Здесь никого нет, и можно говорить прямо. С каким удовольствием, Софья Александровна, я увез бы вас отсюда сию минуту. Не могу и дышать этим вашим воздухом, и мне кажется, что он отравляет вас. Ваш отец, который весь ушел в свою подагру и в книги и знать больше ничего не хочет, этот дядя Жорж, наконец ваша мачеха...

Соня. Что мачеха?

Хрущов. Нельзя обо всем говорить... нельзя! Великолепная моя, я многого не понимаю в людях. В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли... Часто я вижу прекрасное лицо и такую одежду, что кружится голова от восторга, но душа и мысли боже мой! В красивой оболочке прячется иногда душа такая черная, что не затрешь ее никакими белилами... Простите мне, я волнуюсь... Ведь вы мне бесконечно дороги...

Соня (роняет нож). Уронила...

Хрущов (поднимает)

Соня (взволнованная). Виновата... Один вопрос, Михаил Львович.

Хрущов. Что? Говорите скорее...

Соня. Видите ли... вот вы часто бываете у нас, и я тоже иногда бываю у вас со своими. Сознаться, что вы этого никак не можете простить себе...

Хрущов. То есть?

Соня. То есть я хочу сказать, что ваше демократическое чувство оскорблено тем, что вы коротко знакомы с нами. Я институтка, Елена Андреевна аристократка, одеваемся мы по моде, а вы демократ...

Хрущов. Ну... ну... не будем говорить об этом! Не время!

Соня. Главное, что вы сами копаете торф, сажаете лес... как-то странно, Одним словом, вы народник...

Хрущов. Демократ, народник... Софья Александровна, да неужели об этом можно говорить серьезно и даже с дрожью в голосе?

Соня. Да, да, серьезно, тысячу раз серьезно.

Хрущов. Да нет, нет...

Соня. Уверяю вас и клянусь, чем угодно, что если бы у меня, положим, была сестра и если б вы ее полюбили и сделали ей предложение, то вы бы этого никогда себе не простили, и вам было бы стыдно показаться на глаза вашим земским докторам и женщинам-врачам, стыдно, что вы полюбили институтку, кисейную барышню, которая не была на курсах и одевается по моде. Знаю я очень хорошо... По вашим глазам я вижу, что это правда! Одним словом,

короче говоря, эти ваши леса, торф, вышитая сорочка все рисовка, кривлянье, ложь и больше ничего.

Хрущов. За что? Дитя мое, за что вы меня оскорбили? Впрочем, я глупец. Так мне и нужно: не в свои сани не садись! Прощайте! (Идет к двери.)

Соня. Прощайте... Я была резка, прошу извинения.

Хрущов (возвращаясь). Если б вы знали, как здесь у вас тяжело и душно!

Среда, где к каждому человеку подходят боком, смотрят на него искоса и ищут в нем народника, психопата, фразера все, что угодно, но только не человека! О, это, говорят, психопат! и рады. Это фразер! и довольны, точно открыли Америку! А когда меня не понимают и не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то винят в этом не себя, а меня же и говорят: Это странный человек, странный! Вам еще только двадцать лет, но уж вы стары и рассудительны, как ваш отец и дядя Жорж, и я нисколько бы не удивился, если бы вы пригласили меня лечить вас от подагры. Так жить нельзя! Кто бы я ни был, глядите мне в глаза прямо, ясно, без задних мыслей, без программы, и ищите во мне прежде всего человека, иначе в ваших отношениях к людям никогда не будет мира. Прощайте! И попомните мое слово, с такими хитрыми, подозрительными глазами, как у вас, вы никогда не полюбите!

Соня. Неправда!

Хрущов. Правда!

Соня. Неправда! Вот назло же вам... я люблю! люблю, и мне больно, больно! Оставьте меня! Уходите, умоляю... не бывайте у нас... не бывайте...

Хрущов. Честь имею кланяться! (Уходит.)

Соня (одна)

Ничего не понимаю! (Плачет.) Учился на медицинском факультете, а занимается совсем не медициной... Это все странно, странно... Господи, да помощи же мне все это обдумать!

и Елена Андреевна

Елена Андреевна (открывает окна)

Соня. Ушел.

Елена Андреевна. Софи!

Соня. Что?

Елена Андреевна. До каких пор вы будете дуться на меня? Друг другу мы не сделали никакого зла. Зачем же нам быть врагами? Полноте...

Соня. Я сама хотела... (Обнимает ее.) Милая!

Елена Андреевна. И отлично...

Соня. Папа лег?

Елена Андреевна. Нет, сидит в гостиной. Не говорим мы друг с другом по целому месяцу и бог знает из-за чего... Пора наконец... (Смотрит на стол.) Что это?

Соня. Леший ужинал.

Елена Андреевна. И вино есть... Давайте выпьем брудершафт.

Соня. Давайте.

Елена Андреевна. Из одной рюмки... (Наливает.) Этак лучше. Ну, значит ты?

Соня

Елена Андреевна. Что же ты плачешь?

Соня. Ничего, это я так.

Елена Андреевна. Ну, будет, будет... (Плачет.)

Соня. Ну, мир, мир! Забудем. Я уж второй раз сегодня слышу, что у меня хитрые, подозрительные глаза.

Елена Андреевна. Не надо смотреть так хитро. Тебе это не идет. Надо всем верить, иначе жить нельзя.

Соня. Пуганая ворона куста боится. Мне так часто приходилось разочаровываться.

Елена Андреевна. В ком? Отец твой хороший, честный человек, труженик. Ты сегодня попрекнула его счастьем. Если он в самом деле был счастлив, то за трудами он не замечал этого своего счастья. Я не сделала умышленно зла ни отцу, ни тебе. Дядя твой Жорж очень добрый, честный, но несчастный, неудовлетворенный человек... Кому же не веришь?

Соня. Скажи мне по совести, как другу. Ты счастлива?

Елена Андреевна. Нет.

Соня. Я это знала. Еще один вопрос. Скажи откровенно, ты хотела бы, чтобы у тебя был молодой муж?

Елена Андреевна. Какая ты еще девочка... Конечно, хотела бы! (Смеется.) Ну, спроси еще что-нибудь, спроси...

Соня. Тебе Леший нравится?

Елена Андреевна. Да, очень.

Соня (смеется). У меня глупое лицо... да? Вот он ушел, а я все еще слышу его голос и шаги, а посмотрю на темное окно там мне представляется его лицо... Дай мне высказаться... Но я не могу говорить так громко, мне стыдно. Пойдем ко мне в комнату, там поговорим. Я тебе кажусь глупой? Сознайся... Он хороший человек!

Елена Андреевна. Очень, очень...

Соня. Мне кажутся странными его леса, торф... Я не понимаю.

Елена Андреевна. Да разве в лесах дело? Милая моя, пойми, ведь это талант! Ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... посадит деревцо или выкопает какой-нибудь пуд торфа и уж загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уж снится ему счастье человечества. Такие люди дороги, и их любить нужно. Дай вам бог. Оба вы чистые, смелые,

честные... Он взбалмошный, ты рассудительная, умная... Будете отлично дополнять друг друга... (Встает.) А я нудная, эпизодическое лицо... И в музыке, и в доме мужа, и во всех ваших романах везде я была только эпизодическим лицом. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то, вероятно, я очень, очень несчастна! (Ходит в волнении по сцене.) Нет мне счастья на этом свете! Нет! Что ты смеешься?

Соня (смеется, закрывая лицо). Я так счастлива! Как я счастлива!

Елена Андреевна (ломая руки). В самом деле, как я несчастна!

Соня. Я счастлива... счастлива.

Елена Андреевна. Мне хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь...

Соня. Сыграй. (Обнимает ее.) Я не могу спать... Сыграй.

Елена Андреевна. Сейчас. Твой отец не спит. Когда он болен, его раздражает музыка. Поди спроси. Если он ничего, то сыграю... поди...

Соня. Сейчас. (Уходит.)

Елена Андреевна. Давно уж я не играла. Буду играть и плакать, как дура... (В окно.)

Соня (вернувшись). Нельзя!

Занавес

, Войницкий и Федор Иванович

Войницкий (слушая музыку)

Федор Иванович. Не видал ты, душа моя, настоящей скуки. Когда я был в Сербии добровольцем, так вот где была скука! Жарко, душно, грязно, голова трещит с похмелья... Сижу я раз, помню, в грязном сараишке... Со мною капитан Кашкинази... Всё уж переговорили, идти некуда, делать нечего, пить не хочется тошно, понимаешь ли, просто хоть в петлю! Сидим, как аспиды, и друг на друга глядим... Он на меня глядит, а я на него... Я на него, а он на меня... Глядим и сами не знаем, чего... Проходит, понимаешь ли, час, другой, а мы всё глядим. Вдруг он ни с того ни с сего вскакивает, выхватывает шашку и на меня... Здравствуйте... Я, конечно, сейчас ведь убьет же! вынимаю свою шашку, и пошла писать: чик-чак, чик-чак, чик-чак... Насилу розняли. Я потом ничего, а капитан Кашкинази до сих пор с шрамом на щеке ходит. Так вот до какой степени люди балдеют иногда...

Орловский. Да, бывает.

Соня (в сторону). Не нахожу себе места... (Идет и смеется.)

Орловский. Кисанька, куда ты? Посиди с нами.

Соня. Федя, поди сюда... (Отводит Федора Ивановича в сторону.) Поди сюда...

Федор Иванович. Что тебе? Отчего у тебя лицо такое лучезарное?

Соня. Федя, дай слово, что исполнишь!

Федор Иванович. Ну?

Соня. Поезжай... к Лешему.

Федор Иванович. Зачем?

Соня. Да так... просто поезжай... Спроси, отчего он у нас так долго не был...
Уж две недели.

Федор Иванович. Покраснела! Стыдно! Господа, Соня влюблена!

Все. Стыдно! Стыдно!

Федор Иванович. Слоняется, как тень, из комнаты в комнату и места себе не находит. В Лешего влюблена.

Орловский. Славная девочка... Люблю. Мечтал я, Федюша, что ты на ней женишься лучшей невесты не скоро найдешь, ну, да, значит, так богу угодно...
А как бы мне приятно и умирительно было! Приехал бы я к тебе, а у тебя молодая жена, семейный очаг, самоварчик кипит...

Федор Иванович. Неграмотен я по этой части. Если бы когда-нибудь пришла мне в голову блажь жениться, то во всяком случае я женился бы на Юле. Эта, по крайности, маленькая, а из всех зол надо всегда выбирать меньшее. Да и хозяйка... (Хлопает себя по лбу.) Идея!

Орловский. Что такое?

Федор Иванович. Давайте, шампанского выпьем!

Войницкий. Рано еще, да и жарко... Погоди...

Орловский (любуюсь). Сыночек мой, красавец... Шампанского захотел, дуся моя...

Войницкий. Полюбуйтесь: идет и от лени шатается. Очень мило! Очень!

Елена Андреевна. Перестаньте, Жорж, и без вашего жужжання скучно.

Войницкий (загораживая ей дорогу). Талант, артистка! Ну, похожи ли вы на артистку? Апатия, Обломов, вахлак... Столько добродетели, что, извините, даже глядеть противно.

Елена Андреевна. Не глядите... Пустите меня...

Войницкий. Что томитесь? (Живо.) Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей!
В ваших жилах течет русалочья кровь, будьте же русалкой!

Елена Андреевна. Пустите!

Войницкий. Дайте себе волю хоть раз в жизни, влюбитесь поскорее по самые уши в какого-нибудь водяного...

Федор Иванович. И бултых с головою в омут с ним вместе так, чтобы герр профессор и все мы только руками развели!

Войницкий. Русалка, а? Люби, покуда любится!

Елена Андреевна. И что вы меня учите? Точно я без вас не знаю, как бы я жила, если б моя воля! Я бы улетела вольной птицей подальше от всех вас, от ваших сонных физиономий, скучных, постылых разговоров, забыла бы, что все вы существуете на свете, и никто бы не посмел тогда учить меня. Но нет у

меня своей воли. Я труслива, застенчива, и мне все кажется, что если бы я изменила, то все жены взяли бы с меня пример и побросали бы своих мужей, что меня накажет бог и замучит совесть, а то бы я показала вам, как живут на воле! (Уходит.)

Орловский. Душа моя, красавица...

Войницкий. Я, кажется, скоро начну презирать эту женщину! Застенчива, как девчонка, и философствует, как старый, преукрашенный добродетелями дьячок! Кислота! Простокваша!

Орловский. Полно, полно... Где теперь профессор?

Войницкий. У себя в кабинете. Пишет.

Орловский. Он вызвал меня сюда письмом по какому-то делу. Вам не известно, какое дело?

Войницкий. Никаких у него нет дел. Пишет чепуху, брюзжит и ревнует, больше ничего.

и Юля

и Юля

Желтухин. Здравствуйте, господа. (Здоровается.)

Юля. Здравствуйте, крестненький! (Целуется.) Здравствуй, Феденька!

(Целуется.) Здравствуйте, Егор Петрович! (Целуется.)

Желтухин. Александр Владимирович дома?

Орловский. Дома. В кабинете сидит.

Желтухин. Надо пойти к нему. Он писал мне, что дело какое-то есть...

(Уходит.)

Юля. Егор Петрович, вы вчера получили ячмень по вашей записке?

Войницкий. Благодарю, получил. Сколько вам следует? Мы еще что-то брали у вас весной, не помню что... Надо нам счестся. Терпеть не могу путать в запускать счеты.

Юля. Брали весной восемь четвертей ржи, Егор Петрович, двух телушек, одного бычка, и из вашего хутора присылали за маслом.

Войницкий. Сколько же вам следует?

Юля. Как же я могу? Я без счетов не могу, Егор Петрович.

Войницкий. Счеты я вам сейчас принесу, если нужно... (Уходит и тотчас же возвращается со счетами.)

Орловский. Манюня, братон здоров?

Юля. Слава богу. Крестненький, где это вы купили такой галстух?

Орловский. В городе, у Кирпичева.

Юля. Славненький. Надо будет Ленечке такой купить.

Войницкий. Вот вам и счеты.

Орловский. Какую Лене бог хозяйку послал! Пупсик, от земли не видно, а гляди, как работает! Ишь ты!

Федор Иванович. Да, а он только ходит да за щеку держится. Свистун...

Орловский. Салопница моя милая... Знаете, ведь она в салопе ходит. Еду я в пятницу по базару, а она ходит около возов в салопе...

Юля. Вот вы меня и сбили.

Войницкий. Пойдемте, господа, куда-нибудь в другое место. В залу, что ли.

Надоело мне здесь... (Зекает.)

Орловский. В залу так в залу... Мне все равно.

Юля (одна, после паузы). Феденька чеченцем нарядился... Что значит родители направления хорошего не дали... Красивей мужчины во всей губернии нет, умный, богатый, а никакого толку... Дурак дураком... (Щелкает на счетах.)

и Соня

Соня. Вы у нас, Юлечка? А я не знала...

Юля (целуется). Милая!

Соня. Что вы тут делаете? Считаете? Какая вы хорошая хозяйка, даже смотреть завидно... Юлечка, отчего вы замуж не выходите?

Юля. Так... Меня приезжали сватать, да я отказала. За меня не посватается настоящий жених! (Вздыхает.) Нет!

Соня. Почему же?

Юля. Я необразованная девушка. Меня ведь из второго класса гимназии взяли!

Соня. Зачем же вас взяли, Юлечка?

Юля

Соня

Юля (утвердительно кивает головой). А вы?

Соня. И я тоже... только я не в Федора Иваныча. (Смеется.) Ну, еще скажите что-нибудь.

Юля. Мне давно уж нужно поговорить с вами, Сонечка.

Соня. Пожалуйста.

Юля. Я хочу объясниться. Видите ли... Я всегда к вам душевно расположена... У меня много знакомых девушек, но вы из всех самая лучшая... Если б вы мне сказали: Юлечка, дайте мне десять лошадей или, положим, двести овец. С удовольствием... Для вас бы ничего не пожалела...

Соня. Что же вы сконфузились, Юлечка?

Юля. Мне совестно... Я... я душевно к вам расположена... Из всех вы самая лучшая... не гордая... Какой у вас миленький ситчик!

Соня. Про ситчик после... Говорите...

Юля (волнуясь). Не знаю, как это по-умному... Позвольте предложить вам... осчастливить... то есть... то есть... то есть... выходите замуж за Ленечку.

(Закрывает лицо.)

Соня (вставая). Не будем говорить об этом, Юлечка... Не надо, не надо...

Елена Андреевна. Положительно деваться некуда. Оба Орловские и Жорж ходят по всем комнатам, и куда ни войдешь, везде они. Просто даже тоска берет. Что им здесь надо? Ехали бы куда-нибудь.

Юля (сквозь слезы). Здравствуйте, Елена Андреевна! (Хочет целоваться.)

Елена Андреевна. Здравствуйте, Юлечка. Простите, я не люблю часто целоваться. Соня, что отец делает?

Соня, что же ты мне не отвечаешь? Я спрашиваю: что отец делает?

Соня, отчего ты не отвечаешь?

Соня. Вам хочется знать? Идите сюда... (Отводит ее немного в сторону.)

Извольте, я скажу... Слишком чисто у меня сегодня на душе, чтобы я могла говорить с вами и продолжать скрывать. Вот возьмите! (Подает письмо.) Это я нашла в саду. Юлечка, пойдемте! (Уходит с Юлей в левую дверь.)

, потом Федор Иванович

Елена Андреевна (одна). Что такое? Письмо Жоржа ко мне! Но чем же я виновата? О, как это резко, безбожно... У нее так чисто на душе, что она не может говорить со мной... Боже мой, так оскорблять... Голова кружится, я сейчас упаду...

Федор Иванович (выходит из левой двери и идет через сцену)

Все это вы бросьте. Вы должны думать только обо мне.

Елена Андреевна. Это что значит?

Федор Иванович. А это значит, что если я кого раз наметил, тому уж не вырваться из этих рук.

Елена Андреевна. Нет, это значит, что вы глупы и наглы.

Федор Иванович. Сегодня в семь с половиною часов вечера вы должны быть за садом около мостика и ждать меня... Ну-с? Больше я ничего не имею вам сказать... Итак, мой ангел, до семи с половиною часов. (Хочет взять ее за руку.)

Елена Андреевна. Ступайте прочь.

Федор Иванович. Слушаю-с... (Идет и возвращается.) Я тронут... Будем рассуждать мирно. Видите ли... На этом свете я все испытал, даже уху из золотых рыбок два раза ел... Только вот еще на шарах не летал и ни разу еще у ученых профессоров жен не увозил...

Елена Андреевна. Ступайте...

Федор Иванович. Сейчас уйду... Все испытал... И столько у меня от этого наглости, что просто деваться некуда. То есть все это я к тому говорю, что если вам когда-нибудь понадобится друг или верный пес, то обратитесь ко мне... Я тронут...

Елена Андреевна. Никаких мне псов не надо... Ступайте.

Федор Иванович. Слушаю... (Растроганный.) Тем не менее все-таки я тронут... Конечно, тронут... Да... (Нерешительно уходит.)

Елена Андреевна (одна). Голова болит... Каждую ночь я вижу нехорошие сны и предчувствую что-то ужасное... Какая, однако, мерзость! Молодежь родилась и воспиталась вместе, друг с другом на ты, всегда целуются; жить бы им в мире и в согласии, но, кажется, скоро все съедят друг друга... Леса спасает Леший, а людей некому спасать. (Идет к левой двери, но, увидав идущих навстречу Желтухина и Юлю, уходит в среднюю.)

и Юля

Юля. Как мы с тобой несчастны, Ленечка, ах, как несчастны!

Желтухин. Кто же уполномочивал тебя говорить с нею? Непрошенная сваха, баба! Ты мне все дело испортила! Она подумает, что я сам не умею говорить, и... и какое мещанство! Тысячу раз говорил я, что все это надо оставить.

Ничего кроме унижения и этих всяких намеков, низостей, подлостей...

Старик, вероятно, догадался, что я люблю ее, и уж эксплуатирует мое чувство! Хочет, чтобы я купил у него это имение.

Юля. А сколько он просит?

Желтухин. Тссс!.. Идут...

, Орловский и Марья Васильевна

, Орловский и Марья Васильевна

Орловский. Я и сам, душа моя, что-то не совсем здоров. Вот уж два дня голова болит и все тело ломит...

Серебряков. Где же остальные? Не люблю и этого дома. Какой-то лабиринт.

Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не найдешь. (Звонит.) Пригласите сюда Егора Петровича и Елену Андреевну!

Желтухин. Юля, тебе нечего делать, поди поищи Егора Петровича и Елену Андреевну.

Серебряков. С нездоровьем еще можно мириться, куда ни шло, но чего я не могу переварить, так это своего теперешнего настроения. У меня такое чувство, как будто я уже умер или с земли свалился на какую-то чужую планету.

Орловский. Оно с какой точки взглянуть...

Марья Васильевна (читая). Дайте мне карандаша... Опять противоречие! Надо отметить.

Орловский. Извольте, ваше превосходительство! (Подает карандаш и целует руку.)

, потом Елена Андреевна

Войницкий. Я вам нужен?

Серебряков. Да, Жорж.

Войницкий. Что вам от меня угодно?

Серебряков

Войницкий. Оставь этот тон... Приступим к делу... Что тебе нужно?

Серебряков

, то есть все мы под богом ходим; я стар, болен и потому нахожу своевременным регулировать свои имущественные отношения постольку, поскольку они касаются моей семьи. Жизнь моя уже кончена, о себе я не думаю, но у меня молодая жена, дочь-девушка... Продолжать жить в деревне им невозможно.

Елена Андреевна. Мне все равно.

Серебряков. Мы для деревни не созданы. Жить же в городе на те средства, какие мы получаем с этого имения, невозможно. Третьего дня я продал на четыре тысячи лесу, но это мера экстраординарная, которою нельзя пользоваться ежегодно. Нужно изыскать такие меры, которые гарантировали бы нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода. Я придумал одну такую меру и имею честь предложить ее на ваше обсуждение. Минуя детали, изложу ее в общих чертах. Наше имение дает в среднем размере не более двух процентов. Я предлагаю продать его. Если вырученные деньги мы обратим в процентные бумаги, то будем получать от четырех до пяти процентов. Я думаю, что будет даже излишек в несколько тысяч, который нам позволит купить в Финляндии небольшую дачу...

Войницкий. Постои, мне кажется, что мне изменяет мой слух. Повтори, что ты сказал...

Серебряков. Деньги обратить в процентные бумаги и купить дачу в Финляндии...

Войницкий. Не Финляндия... Ты еще что-то другое сказал.

Серебряков. Я предлагаю продать имение.

Войницкий. Вот это самое... Ты продашь имение... Превосходно, богатая идея... А куда прикажешь деваться мне со старухой матерью?

Серебряков. Все это своевременно мы обсудим... Не сразу же...

Войницкий. Постои... Очевидно, до сих пор у меня не было ни капли здравого смысла. До сих пор я имел глупость думать, что это имение принадлежит Соне. Мой покойный отец купил это имение в приданое для моей сестры. До сих пор я был наивен, понимал законы не по-турецки и думал, что имение от сестры перешло к Соне.

Серебряков. Да, имение принадлежит Соне... Кто спорит? Без согласия Сони я не решусь продать его. К тому же это я делаю для блага Сони.

Войницкий. Это непостижимо, непостижимо! Или я с ума сошел, или... или...

Марья Васильевна. Жорж, не противоречь профессору! Он лучше нас знает,

что хорошо и что дурно.

Войницкий. Нет, дайте мне воды... (Пьет воду.) Говорите что хотите! Что хотите!

Серебряков. Я не понимаю, отчего ты волнуешься, Жорж? Я не говорю, что мой проект идеален. Если все найдут его негодным, то я не буду настаивать. Дядин. Честь имею кланяться. Прошу прощения, что осмеливаюсь входить без доклада. Виновен, но заслуживаю снисхождения, так как у вас в передней нет ни одного domestica².

Серебряков (смущенно). Очень рад... Прошу...

Дядин (расшаркиваясь). Ваше превосходительство! Mesdames! Мое вторжение в ваши пределы имеет двоякую цель. Во-первых, я пришел сюда, чтобы нанести визит и засвидетельствовать свое благоговейное уважение, во-вторых, чтобы пригласить всех вас, по случаю прекрасной погоды, совершить экспедицию в мою область. Обитаю я на водяной мельнице, которую арендую у нашего общего друга Лешего. Это укромный поэтический уголок земли, где ночью слышится плеск русалок, а днем...

Войницкий. Постой, Вафля, мы о деле... Погоди, после... (Серебрякову.) Вот спроси ты у него... Это именье куплено у его дяди.

Серебряков. Ах, да зачем мне спрашивать? К чему?

Войницкий. Это именье было куплено по тогдашнему времени за девяносто пять тысяч! Отец уплатил только семьдесят, и осталось долгу двадцать пять тысяч. Теперь слушайте... Именье это не было бы куплено, если бы я не отказался от наследства в пользу сестры, которую любил. Мало того, я десять лет работал, как вол, и выплатил весь долг.

Орловский. Чего же вы, душа моя, хотите?

Войницкий. Именье чисто от долгов и не расстроено только благодаря моим личным усилиям. И вот, когда я стал стар, меня хотят выгнать отсюда в шею!

Серебряков. Я не понимаю, чего ты добиваешься?

Войницкий. Двадцать пять лет я управлял этим именьем, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик, и за все время ты ни разу не поблагодарил меня! Все время, и в молодости и теперь, я получал от тебя жалованья пятьсот рублей в год нищенские деньги! и ты ни разу не догадался прибавить мне хоть один рубль!

Серебряков. Жорж, почем же я знал! Я человек непрактический и ничего не понимаю. Ты мог бы сам прибавить себе, сколько угодно.

Войницкий. Зачем я не крал? Отчего вы все не презираете меня за то, что я не крал? Это было бы справедливо, и теперь я не был бы нищим!

Марья Васильевна (строго). Жорж!

Дядин (волнуясь). Жорженька, не надо, не надо... Я дрожу... Зачем портить хорошие отношения? (Целует его.) Не надо...

Войницкий. Двадцать пять лет я вот с ней, вот с этой матерью, как крот, сидел в четырех стенах... Все наши мысли и чувства принадлежали тебе одному. Днем мы говорили о тебе, о твоих работах, гордились твоей известностью, с благоговением произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!

Дядин. Не надо, Жорженька, не надо... Не могу...

Серебряков. Я не понимаю, что тебе нужно?

Войницкий. Ты для нас был существом высшего порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза. Я все вижу! Пишешь ты об искусстве, но ничего не понимаешь в искусстве! Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного!

Серебряков. Господа! Да уймите же его наконец! Я уйду!

Елена Андреевна. Жорж, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войницкий. Не замолчу! (Загораживая Серебрякову дорогу.) Постой, я не кончил! Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни! Ты мой злейший враг!

Дядин. Я не могу... не могу... Я уйду в другую комнату... (В сильном волнении уходит в правую дверь.)

Серебряков. Что ты хочешь от меня? Р! какое ты имеешь право говорить со мной таким тоном? Ничтожество! Если имя твое, то бери его, я не нуждаюсь в нем!

Желтухин (в сторону). Ну, заварилась каша!.. Уйду! (Уходит.)

Елена Андреевна. Если не замолчите, то я сию минуту уеду из этого ада! (Кричит.) Я не могу дольше выносить!

Войницкий. Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел... Если б я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский... Я зарапортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!

Марья Васильевна. Слушайся профессора!

Войницкий. Матушка! Что мне делать? Не нужно, не говорите! Я сам знаю, что мне делать! (Серебрякову.) Будешь ты меня помнить! (Уходит в среднюю дверь.)

Серебряков. Господа, что же это наконец такое? Уберите от меня этого сумасшедшего!

Орловский. Ничего, ничего, Саша, пусть у него душа уляжется. Ты не волнуйся так.

Серебряков. Не могу я жить с ним под одной крышей! Живет тут (указывает на среднюю дверь), почти рядом со мной... Пусть перебирается в деревню, во флигель, или я переберусь отсюда, но оставаться с ним я не могу...

Елена Андреевна (мужу). Если повторится еще что-нибудь подобное, то я уеду!

Серебряков. Ах, не пугай, пожалуйста!

Елена Андреевна. Я не пугаю, но все вы точно условились сделать из моей жизни ад... Я уеду...

Серебряков. Все отлично знают, что ты молода, я стар, и что ты делаешь большое одолжение, что живешь здесь...

Елена Андреевна. Продолжай, продолжай...

Орловский. Ну, ну, ну... Друзья мои...

Хрущов (волнуясь). Очень рад, что застаю вас дома, Александр

Владимирович... Простите, быть может, я пришел не вовремя и помешал вам...

Но не в этом дело. Здравствуйте...

Серебряков. Что вам угодно?

Хрущов. Извините, я взволнован это оттого, что сейчас я быстро ехал верхом...

Александр Владимирович, я слышал, что третьего дня вы продали Кузнецову свой лес на сруб. Если это правда, а не простая сплетня, то, прошу вас, не делайте этого.

Елена Андреевна. Михаил Львович, муж сейчас не расположен говорить о делах. Пойдемте в сад.

Хрущов. Но мне сейчас нужно говорить!

Елена Андреевна. Как знаете... Я не могу... (Уходит.)

Хрущов. Позвольте мне съездить к Кузнецову и сказать ему, что вы раздумали... Да? Позволяете? Повалить тысячу деревьев, уничтожить их ради каких-нибудь двух-трех тысяч, ради женских тряпок, прихоти, роскоши...

Уничтожить, чтобы в будущем потомство проклидало наше варварство! Если вы, ученый, знаменитый человек, решаетесь на такую жестокость, то что же должны делать люди, стоящие много ниже вас? Как это ужасно!

Орловский. Миша, после об этом!

Серебряков. Пойдем, Иван Иванович, это никогда не кончится.

Хрущов (загораживая Серебрякову дорогу). В таком случае вот что, профессор... Погодите, через три месяца я получу деньги и куплю у вас сам.

Орловский. Извини, Миша, но это даже странно... Ну, ты, положим, идейный человек... покорнейше тебя благодарим за это, кланяемся тебе низко (кланяется), но зачем же стулья ломать?

Хрущов (вспыхнув). Всеобщий крестненький! Много добродушных людей на свете, и это всегда казалось мне подозрительным! Добродушны они все оттого, что равнодушны!

Орловский. Вот ты ссориться сюда приехал, душа моя... Нехорошо! Идея-то идеей, но надо, брат, иметь еще и эту штуку... (Показывает на сердце.) Без этой штуки, душа моя, всем твоим лесам и торфам цена грош медный... Не обижайся, но зеленый ты еще, ух, какой зеленый!

Серебряков (резко). И в другой раз потрудитесь не входить без доклада, и прошу вас избавить меня от ваших психопатических выходов! Всем вам хотелось вывести меня из терпения, и это удалось вам... Извольте меня оставить! Все эти ваши леса, торфы я считаю бредом и психопатией вот мое мнение! Пойдем, Иван Иванович! (Уходит.)

Орловский (идя за ним). Это, Саша, уж слишком... Зачем так резко? (Уходит.)

Хрущов (один, после паузы). Бред, психопатия... Значит, по мнению знаменитого ученого и профессора, я сумасшедший... Преклоняюсь перед авторитетом вашего превосходительства и поеду сейчас домой, обрею себе голову. Нет, сумасшедшая земля, которая еще держит вас!

и Соня

Соня (бежит за ним). Пойдите... я все слышала... Говорите же... Говорите скорее, а то я не выдержу и сама начну говорить!

Хрущов. Софья Александровна, я сказал уже все, что мне нужно. Я умолял вашего отца пощадить лес, я был прав, а он оскорбил меня, назвал сумасшедшим... Я сумасшедший!

Соня. Довольно, довольно...

Хрущов. Да, не сумасшедшие те, которые под ученостью прячут свое жестокое, каменное сердце и свое бездушие выдают за глубокую мудрость! Не сумасшедшие те, которые выходят за стариков замуж только для того, чтобы у всех на глазах обманывать их, чтобы покупать себе модные, щегольские платья на деньги, вырученные от порубки лесов!

Соня. Слушайте меня, слушайте... (Сжимает ему руки.) Дайте мне сказать вам...

Хрущов

и Елена Андреевна

Елена Андреевна. Вы еще здесь? Пойдите... Сейчас Иван Иванович сказал мне, что муж был резок с вами... Простите, он сегодня сердит и не понял вас... Что же касается меня, то моя душа принадлежит вам, Михаил Львович!

Верьте в искренность моего уважения, я сочувствую, тронута, и позвольте мне от чистого сердца предложить вам мою дружбу! (Протягивает обе руки.)

Хрущов (брезгливо). Отойдите от меня... Я презираю вашу дружбу! (Уходит.)

Елена Андреевна (одна, стонет). За что? За что?

, Марья Васильевна, потом Соня, Серебряков, Орловский и Желтухин выходит, пошатываясь, из средней двери, вскрикивает и падает без чувств.

Соня

Серебряков

Орловский

Желтухин

Что такое?

; она возвращается и кричит: Дядя Жорж застрелился! Она, Орловский, Серебряков и Желтухин

Елена Андреевна (стонет). За что? За что?

, Марья Васильевна и Дядин

Дядин (в дверях). Что такое?

Елена Андреевна (ему). Увезите меня отсюда! Бросьте меня в глубокую пропасть, убейте, но здесь я не могу оставаться. Скорее, умоляю вас! (Уходит с Дядиным.)

Занавес

всех ожидает одна ночь (лат.). 2 слуги (франц. domestique).

и Дядин

Елена Андреевна. Голубчик Илья Ильич, завтра вы опять съездите на почту.

Дядин. Всенепременно.

Елена Андреевна. Погожу еще три дня. Если не получу от брата ответа на свое письмо, то возьму у вас денег взаймы и сама поеду в Москву. Не век же мне жить тут у вас на мельнице.

Дядин

Елена Андреевна. Не вернусь я... Надо рассуждать, Илья Ильич. Мужа я не люблю. Молодежь, которую я любила, была несправедлива ко мне от начала до конца. Зачем же я туда вернусь? Вы скажете долг... Это я и сама знаю отлично, но, повторяю, надо рассуждать...

Дядин. Так-с... Величайший русский поэт Ломоносов убежал из Архангельской губернии и нашел свою фортуна в Москве. Это, конечно, благородно с его стороны... А вы-то зачем бежали? Ведь вашего счастья, ежели рассуждать по совести, нигде нету... Положено канареечке в клетке сидеть и на чужое счастье поглядывать, ну, и сиди весь век.

Елена Андреевна. А может быть, я не канарейка, а вольный воробей!

Дядин. Эва! Видно птицу по полету, многоуважаемая... За эти две недели другая дама успела бы в десяти городах побывать и всем в глаза пыль пустить, а вы изволили добежать только до мельницы, да и то у вас вся душа измучилась... Нет, куда уж! Поживете у меня еще некоторый период времени, сердце ваше успокоится, и поедете к супругу. (Прислушивается.) Кто-то едет в коляске. (Встает.)

Елена Андреевна. Я уйду.

Дядин. Не смею дольше утруждать вас своим присутствием... Пойду к себе на мельницу и засну немножко... Нынче я встал раньше Авроры.

Елена Андреевна. Когда проснетесь, приходите, вместе чай будем пить.

(Уходит в дом.)

Дядин (один). Если бы я жил в умственном центре, то с меня могли бы нарисовать в журнале карикатуру с презабавною сатирической надписью.

Помилуйте, будучи уже в пожилых летах и с непривлекательною наружностью, я увез у знаменитого профессора молодую жену! Это восхитительно! (Уходит.)

(несет ведра) и Юля

Юля. Здравствуй, Сенька, бог в помощь! Илья Ильич дома?

Семен. Дома. Пошел на мельницу.

Юля. Поди позови.

Семен. Сейчас. (Уходит.)

Юля (одна). Спит, должно быть... (Садится на лавочку под окном и глубоко вздыхает.) Одни спят, другие гуляют, а я целый день мыкаюсь, мыкаюсь... не посылает бог Смерти. (Вздыхает еще глубже.) Господи, есть же такие глупые люди, как этот Вафля! Еду я сейчас мимо его амбара, а из дверей черненький поросенок выходит... Вот как порвут ему свиньи чужие мешки, тогда и будет знать...

и Дядин

Дядин (надевает сюртук). Это вы, Юлия Степановна? Виноват, я дезабилье...

Хотел уснуть немножко в объятиях Морфея.

Юля. Здравствуйте.

Дядин. Извините, я не приглашаю вас в комнаты... Там у меня не прибрано и прочее... Ежели угодно, то пожалуйста на мельницу...

Юля. Я и тут посижу. Вот я зачем к вам приехала, Илья Ильич. Ленечка и профессор, чтобы развлечься, хотят сегодня здесь у вас на мельнице пикник устроить, чаю напиться...

Дядин. Весьма приятно.

Юля. Я вперед приехала... Скоро и они будут. Распорядитесь, чтобы поставили тут стол, ну и самовар, конечно... Велите Сеньке, чтоб он вынул из моей коляски корзины с провизией.

Дядин

Юля. Плохо, Илья Ильич... Верите ли, такая забота, что я даже заболела. Вы знаете, ведь профессор и Сонечка теперь у нас живут!

Дядин. Знаю.

Юля. После того как Егор Петрович руки на себя наложил, они не могут жить в своем доме... Боятся. Днем все-таки еще ничего, а как вечер, сойдутся все в одной комнате и сидят до самого рассвета. Страшно всем. Боятся, как бы в потемках Егор Петрович не представился...

Дядин. Предрассудки... А про Елену Андреевну вспоминают?

Юля

Дядин. Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского... Взяла и укатила.

Юля. И теперь неизвестно где... Может, уехала, а может, с отчаяния...

Дядин. Бог милостив, Юлия Степановна! Все будет благополучно.

Хрущов. Эй! Кто здесь есть? Семен!

Дядин. Взгляни сюда!

Хрущов. А!.. Здравствуйте, Юлечка!

Юля. Здравствуйте, Михаил Львович.

Хрущов. А я, Илья Ильич, опять к тебе пришел работать. Не сидится дома.

Вели по-вчерашнему поставить под это дерево мой стол, да и скажи, чтобы две лампы приготовили. Уж начинает смеркаться...

Дядин. Слушаю, ваше благородие. (Уходит.)

Хрущов. Как живете, Юлечка?

Юля. Так себе...

Хрущов. Серебряковы у вас живут?

Юля. У нас.

Хрущов. Гм... А ваш Ленечка что делает?

Юля. Дома сидит... Всё с Сонечкой...

Хрущов

Юля. Что ж? (Вздыхает.) Дай бог! Он человек образованный, благородный, она тоже из хорошего семейства... Я всегда ей желала...

Хрущов. Дура она...

Юля. Ну, не скажите.

Хрущов. И ваш Ленечка тоже умник... Вообще вся ваша публика как на подбор. Ума палата!

Юля. Вы, должно быть, сегодня не обедали.

Хрущов. Почему вы это думаете?

Юля. Сердиты вы уж очень.

и Семен

и Семен

Дядин. А у тебя, Миша, губа не дура. Прекрасное место выбрал ты себе для работы. Это оазис! Именно оазис! Вообрази, что это вокруг всё пальмы, Юлечка кроткая лань, ты лев, я тигр.

Хрущов. Хороший ты, душевный человек, Илья Ильич, но что у тебя за манеры? Какие-то мармеладные слова, ногами шаркаешь, плечами дергаешь... Если кто посторонний увидит, то подумает, что ты не человек, а черт знает что... Досадно...

Дядин. Значит, на роду у меня так написано... Фатальное предопределение.

Хрущов. Ну вот, фатальное предопределение. Брось все это. (Фиксирует на столе чертеж.) Я сегодня останусь у тебя ночевать.

Дядин. Чрезвычайно рад. Вот ты, Миша, сердисься, а у меня на душе невыразимо отрадно! Как будто сидит у меня в груди птичка и песенку поет.

Хрущов

Юля. Наши тоже читали.

Хрущов. Роман Жоржа с Еленой Андреевной, о котором трезвонил весь уезд, оказывается подлой, грязной сплетней... Я верил этой сплетне и клеветал заодно с другими, ненавидел, презирал, оскорблял.

Дядин. Конечно, это нехорошо.

Хрущов. Первый, кому я поверил, был ваш брат, Юлечка! Хорош тоже и я! Поверил вашему брату, которого не уважаю, и не верил этой женщине, которая на моих же глазах жертвовала собой. Я охотнее верю злу, чем добру, и не вижу дальше своего носа. А это значит, что я бездарен, как все.

Дядин (Юле). Пойдемте, детка, на мельницу. Пускай он, злюка, тут работает, а мы с вами погуляем. Пойдемте... Работай, Мишенька. (Уходит с Юлей.)

Хрущов (один; разводит в блюдечке краску)

и рабочие

Семен. Илья Ильич велел. Господа из Желтухина приедут чай пить.

Хрущов. Покорно благодарю. Значит, насчет работы придется отложить попечение... Соберу все и уйду домой.

под руку с Соней

, Желтухин и Соня

Желтухин (поет). Невольно к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила...

Хрущов. Кто это там? А! (Спешит уложить в ящик рисовальные принадлежности.)

Желтухин. Еще один вопрос, дорогая Софи... Помните, в день рождения вы завтракали у нас? Сознайтесь, что вы хохотали тогда над моей наружностью.

Соня. Полноте, Леонид Степаныч. Можно ли это говорить? Хохотала я без причины.

Желтухин (увидев Хрущова). А, кого вижу! И ты здесь? Здравствуй.

Хрущов. Здравствуй.

Желтухин. Работаешь? Отлично... Где Вафля?

Хрущов. Там...

Желтухин. Где там?

Хрущов. Я, кажется, ясно говорю... Там, на мельнице.

Желтухин. Пойти позвать его. (Идет и напевает.) Невольно к этим грустным берегам... (Уходит.)

Соня. Здравствуйте...

Хрущов. Здравствуйте.

Соня. Что это вы рисуете?

Хрущов. Так... неинтересно.

Соня. Это план?

Хрущов

Соня. Теперь, Михаил Львович, не время думать о счастье.

Хрущов. О чем же думать?

Соня. И горе наше произошло только оттого, что мы слишком много думали о счастье...

Хрущов. Так-с.

Соня. Нет худа без добра. Горе научило меня. Надо, Михаил Львович, забыть о своем счастье и думать только о счастье других. Нужно, чтоб вся жизнь состояла из жертв.

Хрущов

Соня. Ничего, ничего... (Утирает глаза.)

, Дядин и Желтухин

, Дядин, Желтухин, потом Серебряков и Орловский

Соня (кричит). Папа, здесь!

Дядин. Самовар несут! Восхитительно! (Хлопочет с Юлей около стола.)

и Орловский

Соня. Сюда, папа!

Серебряков. Вижу, вижу...

Желтухин (громко). Господа, объявляю заседание открытым! Вафля, откупоривай наливку!

Хрущов (Серебрякову). Профессор, забудем все, что между нами произошло! (Протягивает руку.) Я прошу у вас извинения...

Серебряков. Благодарю. Очень рад. Вы тоже простите меня. Когда я после того случая на другой день старался обдумать все происшедшее и вспомнил о нашем разговоре, мне было очень неприятно... Будем друзьями. (Берет его под руку и идет к столу.)

Орловский. Вот так бы давно, душа моя. Худой мир лучше доброй ссоры.

Дядин. Ваше превосходительство, я счастлив, что вы изволили пожаловать в мой оазис. Неизъяснимо приятно!

Серебряков. Благодарю, почтеннейший. Здесь в самом деле прекрасно.

Именно оазис.

Орловский. А ты, Саша, любишь природу?

Серебряков

Юля. Господа, я сахару класть не буду; пейте с вареньем.

Дядин (суется около гостей). Как я рад, как я рад!

Серебряков. В последнее время, Михаил Львович, я так много пережил и

столько передумал, что, кажется, мог бы написать в назидание потомству целый трактат о том, как надо жить. Век живи, век учись, а несчастья учат нас.

Дядин. Кто старое помянет, тому глаз вон. Бог милостив, все обойдется благополучно.

Желтухин. Что это вы так вздрогнули?

Соня. Кто-то крикнул.

Дядин. Это на реке мужики раков ловят.

Желтухин. Господа, мы ведь условились, что проведем этот вечер так, как будто ничего не случилось... Право, а то напряжение какое-то...

Дядин. Я, ваше превосходительство, питаю к науке не только благоговение, но даже родственные чувства. Брата моего Григория Ильича жены брат, может быть, изволите знать, Константин Гаврилыч Новоселов был магистром иностранной словесности.

Серебряков. Знаком не был, но знаю.

Юля. Завтра ровно пятнадцать дней, как умер Егор Петрович.

Хрущов. Юлечка, не будем говорить об этом.

Серебряков. Бодро, бодро!

Желтухин. Все-таки чувствуется какое-то напряжение...

Серебряков. Природа не терпит пустоты. Она лишила меня двух близких людей и, чтобы пополнить этот дефект, скоро послала мне новых друзей. Пью ваше здоровье, Леонид Степанович!

Желтухин

Сейте разумное, доброе, вечное,

Сейте! Спасибо вам скажет сердечное

Русский народ!

Серебряков. Ценю ваше приветствие. От души желаю, чтобы скорее наступило время, когда наши дружеские отношения перейдут в более короткие.

Федор Иванович. Вот оно что! Пикник!

Орловский. Сыночек мой... красавец!

Федор Иванович. Здравствуйте. (Целуется с Соней и Юлей.)

Орловский. Целые две недели не видались. Где был? Что видел?

Федор Иванович. Поехал я сейчас к Лёне, там мне сказали, что вы здесь, ну, я и поехал сюда.

Орловский. Где шатался?

Федор Иванович. Три ночи не спал... Вчера, отец, в карты пять тысяч проиграл. И пил, и в карты играл, и в городе раз пять был... Совсем очумел.

Орловский. Молодчина! Стало быть, теперь выпивши?

Федор Иванович. Ни в одном глазе. Юлька, чаю! Только с лимоном,

покислей... А каков Жорж-то, а? Взял, ни с того ни с сего, и чичикнул себе в лоб! И нашел тоже из чего: из Лефоще! Не мог взять Смита и Вессона!

Хрущов. Замолчи ты, скотина!

Федор Иванович. Скотина, но только породистая. (Разглаживает себе бороду.)

Одна борода чего стоит... Вот я и скотина, и дурак, и каналья, а стоит мне только захотеть и за меня любая невеста пойдет. Соня, выходи за меня замуж! (Хрущову.) Впрочем, виноват... Pardon...

Хрущов. Перестань дурака ломать.

Юля. Пропавший ты человек, Феденька! Во всей губернии нет другого такого пьяницы и мотыги, как ты. Даже глядеть на тебя жалко. Фараон фараоном чистое наказание!

Федор Иванович. Ну, запела Лазаря! Иди, сядь рядом со мной... Вот так. Я к тебе на две недели поеду жить... Отдохнуть надо. (Целует ее.)

Юля. От людей за тебя совестно. Ты должен отца своего под старость утешать, а ты его только срамишь. Дурацкая жизнь и больше ничего.

Федор Иванович. Бросаю пить! Баста! (Наливает себе наливки.) Это сливянка или вишневка?

Юля. Не пей же, не пей.

Федор Иванович. Одну рюмку можно. (Пьет.) Дарю тебе, Леший, пару лошадей и ружье. К Юле поеду жить... Проживу у нее недельки две.

Хрущов. Тебе бы в дисциплинарном батальоне пожить.

Юля. Пей, пей чай!

Дядин. Ты с сухариками, Феденька.

Орловский (Серебрякову). Я, брат Саша, до сорока лет вел такую же вот жизнь, как мой Федор. Раз я, душа моя, стал считать, сколько женщин на своем веку я сделал несчастными? Считал, считал, дошел до семидесяти и бросил. Ну-с, а как только исполнилось мне сорок лет, вдруг на меня, брат Саша, что-то нашло. Тоска, места себе нигде не найду, одним словом, разлад в душе, да и шабаш. Я туда-сюда, и книжки читаю, и работаю, и путешествую не помогает! Ну-с, душа моя, поехал я как-то в гости к покойному куму моему, светлейшему князю Дмитрию Павловичу. Закусили, пообедали... После обеда, чтобы не спать, затеяли на дворе стрельбу в цель. Народу собралось видимо-невидимо. И наш Вафля тут был.

Дядин. Был, был... помню.

Орловский. Тоска у меня, понимаешь ли господи! Не выдержал. Вдруг слезы брызнули из глаз, зашатался и как крикну на весь двор, что есть мочи: Друзья мои, люди добрые, простите меня ради Христа! В ту же самую минуту стало на душе у меня чисто, ласково, тепло, и с той поры, душа моя, во всем уезде нет счастливей меня человека. И тебе это самое надо сделать.

Серебряков. Что?

Орловский. Вот это самое. На капитуляцию сдаться надо.

Серебряков. Образчик туземной философии. Ты советуешь мне прощения просить. За что? Пусть у меня прощения попросят!

Соня. Папа, но ведь мы виноваты!

Серебряков. Да? Господа, очевидно, в настоящую минуту все вы имеете в виду мои отношения к жене. Неужели, по-вашему, я виноват? Это даже смешно, господа. Она нарушила свой долг, оставила меня в тяжелую минуту жизни...

Хрущов. Александр Владимирович, выслушайте меня... Вы двадцать пять лет были профессором и служили науке, я сажаю леса и занимаюсь медициной, но к чему, для кого все это, если мы не щадим тех, для кого работаем? Мы говорим, что служим людям, и в то же время бесчеловечно губим друг друга. Например, сделали ли мы с вами что-нибудь, чтобы спасти Жоржа? Где ваша жена, которую все мы оскорбляли? Где ваш покой, где покой вашей дочери? Все погибло, разрушено, все идет прахом. Вы, господа, называете меня Лешим, но ведь не я один, во всех вас сидит леший, все вы бродите в темном лесу и живете ощупью. Ума, знаний и сердца у всех хватает только на то, чтобы портить жизнь себе и другим.

Хрущов. Я считал себя идейным, гуманным человеком и наряду с этим не прощал людям малейших ошибок, верил сплетням, клеветал заодно с другими, и когда, например, ваша жена доверчиво предложила мне свою дружбу, я выпалил ей с высоты своего величия: Отойдите от меня! Я презираю вашу дружбу! Вот каков я. Во мне сидит леший, я мелок, бездарен, слеп, но и вы, профессор, не орел! И в то же время весь уезд, все женщины видят во мне героя, передового человека, а вы знамениты на всю Россию. А если таких, как я, серьезно считают героями, и если такие, как вы, серьезно знамениты, то это значит, что на безлюдье и Фома дворянин, что нет истинных героев, нет талантов, нет людей, которые выводили бы нас из этого темного леса, исправляли бы то, что мы портим, нет настоящих орлов, которые по праву пользовались бы почетной известностью...

Серебряков. Виноват... Я приехал сюда не для того, чтобы полемизировать с вами и защищать свои права на известность.

Желтухин. Вообще, Миша, прекратим этот разговор.

Хрущов. Я сейчас кончу и уйду. Да, я мелок, но и вы, профессор, не орел! Мелок Жорж, который ничего не нашел умнее сделать, как только пустить себе пулю в лоб. Все мелки! Что же касается женщин...

Елена Андреевна (перебивая). Что же касается женщин, то и они не крупнее. (Идет к столу.) Елена Андреевна ушла от своего мужа, и, вы думаете, она сделает что-нибудь путное из своей свободы? Не беспокойтесь... Она вернется... (Садится за стол.) Вот уж и вернулась...

Дядин (хохочет). Это восхитительно! Господа, не велите казнить, велите слово вымолвить! Ваше превосходительство, это я похитил у вас супругу, как некогда некий Парис прекрасную Елену! Я! Хотя рябые Парисы и не бывают, но, друг Горацио, на свете есть много такого, что не снилось нашим мудрецам! Хрущов. Ничего не понимаю... Это вы, Елена Андреевна?

Елена Андреевна. Эти две недели я прожила у Ильи Ильича... Что вы на меня все так смотрите? Ну, здравствуйте... Я сидела у окна и все слышала. (Обнимает Соню.) Давайте мириться. Здравствуй, милая девочка... Мир и согласие!

Дядин (потирая руки). Это восхитительно!

Елена Андреевна (Хрущову). Михаил Львович. (Дает руку.) Кто старое помянет, тому глаз вон. Здравствуйте, Федор Иванович... Юлечка...

Орловский. Душа моя, профессорша наша славная, красавица... Она вернулась, опять пришла к нам...

Елена Андреевна. Я соскучилась по вас. Здравствуй, Александр! (Протягивает мужу руку, тот отворачивается.) Александр!

Серебряков. Вы нарушили ваш долг.

Елена Андреевна. Александр!

Серебряков. Не скрою, я очень рад видеть вас и готов говорить с вами, но не здесь, а дома... (Отходит от стола.)

Орловский. Саша!

Елена Андреевна. Так... Значит, Александр, наш вопрос решается очень просто: никак. Ну, так тому и быть! Я эпизодическое лицо, счастье мое канареечное, бабье счастье... Сиди сиднем весь век дома, ешь, пей, спи и слушай каждый день, как говорят тебе о подагре, о своих правах, о заслугах. Что вы все опустили головы, точно сконфузились? Давайте пить наливку, что ли? Эх!

Дядин. Все обойдется, исправится, все будет хорошо и благополучно.

Федор Иванович (подходит к Серебрякову взволнованный). Александр Владимирович, я тронут... Прошу вас, приласкайте вашу жену, скажите ей хоть одно доброе слово, и, честное слово благородного человека, я всю жизнь буду вашим верным другом, подарю вам лучшую свою тройку.

Серебряков. Благодарю, но, извините, я вас не понимаю...

Федор Иванович. Гм... не понимаете... Иду я раз с охоты, смотрю на дереве филин сидит. Я в него трах бекасинником! Он сидит... я в него девятым номером... Сидит... Ничто его не берет. Сидит и только глазами хлопает.

Серебряков. К чему же это относится?

Федор Иванович. К филину. (Возвращается к столу.)

Орловский (прислушивается). Позвольте, господа... Тише... Кажется, где-то в

набат бьют...

Федор Иванович (увидел зарево). Ой-ой-ой! Поглядите на небо! Какое зарево! Орловский. Батюшки, а мы сидим тут и не видим!

Дядин. Ловко.

Федор Иванович. Те-те-те! Вот так иллюминация! Это около Алексеевского.

Хрущов. Нет, Алексеевское будет правее... Скорее это в Ново-Петровском.

Юля. Как страшно! Боюсь я пожаров!

Хрущов. Конечно, в Ново-Петровском.

Дядин (кричит). Семен, сбегай на плотину, погляди оттуда, что горит. Может, видно!

Семен (кричит). Это Телибеевский лес горит.

Дядин. Что?

Семен. Телибеевский лес!

Дядин. Лес...

Хрущов. Мне надо идти туда... на пожар. Прощайте... Извините, я был резок это оттого, что никогда я себя не чувствовал в таком угнетенном состоянии, как сегодня... У меня тяжело на душе... Но все это не беда... Надо быть человеком и твердо стоять на ногах. Я не застрелюсь и не брошусь под колеса мельницы... Пусть я не герой, но я сделаюсь им! Я отращу себе крылья орла, и не испугают меня ни это зарево, ни сам черт! Пусть горят леса я посею новые! Пусть меня не любят, я полюблю другую! (Быстро уходит.)

Елена Андреевна. Какой он молодец!

Орловский. Да... Пусть меня не любят я полюблю другую. Как сие понимать прикажете?

Соня. Увезите меня отсюда... Домой хочу...

Серебряков. Да, пора уже ехать. Сырость здесь невозможная. Где-то были мой плэд и пальто...

Желтухин. Плэд в коляске, а пальто здесь. (Подает пальто.)

Соня (в сильном волнении). Увезите меня отсюда... Увезите...

Желтухин. Я к вашим услугам...

Соня. Нет, я с крестненьким поеду. Возьмите меня с собой, крестненький...

Орловский. Поедем, душа моя, поедem. (Помогает ей одеться.)

Желтухин (в сторону). Черт знает... Ничего кроме подлостей и унижения.

Серебряков. Левая нога болит в ступне... Ревматизм, должно быть... Опять придется всю ночь не спать.

Елена Андреевна (застегивая мужу пальто). Милый Илья Ильич, принесите мне из дому мою шляпу и тальму!

Дядин. Сию минуту! (Уходит в дом и возвращается с шляпой и тальмой.)

Орловский. Зарева, душа моя, испугалась! Не бойся, оно стало меньше. Пожар потухает...

Юля. Полбанки кизилового варенья осталось... Ну, это пусть Илья Ильич скушает. (Брату.) Ленечка, бери корзину.

Елена Андреевна. Я готова. (Мужу.) Ну, бери меня, статуя командора, и проваливайся со мной в свои двадцать шесть унылых комнат! Туда мне и дорога!

Серебряков. Статуя командора... Я посмеялся бы этому сравнению, но мне мешает боль в ноге. (Всем.) До свидания, господа! Благодарю вас за угощение и за приятное общество... Великолепный вечер, отличный чай все прекрасно, но, простите, только одного я не могу признать у вас это вашей туземной философии и взглядов на жизнь. Надо, господа, дело делать. Так нельзя! Надо дело делать... Да-с... Прощайте. (Уходит с женой.)

Федор Иванович. Пойдем, салопница! (Отцу.) Прощай, отче! (Уходит с Юлей.)

Желтухин (с корзиной, идя за ними). Тяжелая корзина, черт бы ее побрал...

Терпеть не могу этих пикников. (Уходит и кричит за сценой.) Алексей, подавай.

, Соня и Дядин

Орловский (Соне). Ну, что же села? Пойдем, манюся... (Идет с Соней.)

Дядин (в сторону). А со мной никто не простился... Это восхитительно! (Тушит свечи.)

Орловский (Соне). Что же ты?

Соня. Не могу я идти, крестненький... Сил нет! Я в отчаянии, крестненький... я в отчаянии! Мне невыносимо тяжело!

Орловский (встревоженно). Что такое? Душа моя, красавица...

Соня. Останемся... Побудем здесь немного.

Орловский. То увезите, то останемся... Тебя не поймешь...

Соня. Здесь я потеряла сегодня свое счастье... Не могу... Ах, крестненький, зачем я еще не умерла! (Обнимает его.) Ах, если б вы знали, если б вы знали!

Орловский. Тебе водицы... Пойдем сядем... иди...

Дядин. Что такое? Софья Александровна, матушка... я не могу, я весь дрожу... (Слезливо.) Не могу я видеть этого... Деточка моя...

Соня. Илья Ильич, родной мой, свезите меня на пожар! Умоляю вас!

Орловский. Зачем тебе на пожар? Что ты там будешь делать?

Соня. Умоляю вас, свезите, а то я сама пойду. Я в отчаянии... Крестненький, мне тяжело, невыносимо тяжело. Свезите меня на пожар.

Хрущов (кричит). Илья Ильич!

Дядин. Здесь! Что тебе?

Хрущов. Я не могу идти пешком, дай мне лошадь.

Соня (узнав Хрущова, радостно вскрикивает). Михаил Львович! (Идет к нему.)

Михаил Львович! (Орловскому.) Уйдите, крестненький, мне поговорить с ним

нужно. (Хрущову.) Михаил Львович, вы сказали, что полюбите другую... (Орловскому.) Уйдите, крестненький... (Хрущову.) Я теперь другая... Я хочу одну только правду... Ничего, ничего, кроме правды! Я люблю, люблю вас... люблю...

Орловский. Вот так история с географией. (Хохочет.)

Дядин. Это восхитительно!

Соня (Орловскому). Уйдите, крестненький. (Хрущову.) Да, да, одной только правды и больше ничего... Говорите же, говорите... Я все сказала...

Хрущов (обнимая ее). Голубка моя!

Соня. Не уходите, крестненький... Когда ты объяснялся мне, я всякий раз задыхалась от радости, но я была скована предрассудками; отвечать тебе правду мне мешало то же самое, что теперь мешает моему отцу улыбаться Елене. Теперь я свободна...

Орловский (хохочет). Спелись-таки, наконец! Выкарабкались на берег! Честь имею вас поздравить. (Низко кланяется.) Ах вы, бесстыдники, бесстыдники! Канителили, друг дружку за фалды ловили!

Дядин (обнимая Хрущова). Мишенька, голубчик, как ты меня обрадовал! Мишенька!

Орловский (обнимая и целуя Соню)

Хрущов. Позвольте, я никак не могу опомниться... Дайте мне еще поговорить с нею... Не мешайте... Умоляю вас, уходите...

и Юля

и Юля

Юля. Но ведь ты, Феденька, все врешь! Ты все врешь!

Орловский. Тссс! Тише, ребятки! Мой разбойник идет. Спрячемся, господа, поскорее! Пожалуйста.

Федор Иванович. Я забыл тут свой кнут и перчатку.

Юля. Но ведь ты все врешь!

Федор Иванович. Ну, вру... Что ж из этого? Не хочу я сейчас ехать к тебе... Погуляем, тогда и поедем.

Юля. Забота мне с тобой! Чистое наказание! (Всплескивает руками.) Ну, не дурак ли этот Вафля! До сих пор со стола не убрал! Ведь самовар украсть могут... Ах, Вафля, Вафля, кажется, уж старый, а ума меньше, чем у дитя!

Дядин (в сторону). Благодарим покорно.

Юля. Когда мы шли, тут кто-то смеялся...

Федор Иванович. Это бабы купаются... (Поднимает перчатку.) Чья-то перчатка... Сонина... Сегодня Соню точно муха укусила. В Лешего влюблена. Она в него по уши врезалась, а он, болван, не видит.

Юля (сердито). Куда же это мы идем?

Федор Иванович. На плотину... Пойдем погуляем... Лучшего места во всем

уезде нет... Красота!

Орловский (в сторону). Сыночек мой, красавец, борода широкая...

Юля. Я сейчас слышала чей-то голос.

Федор Иванович. Тут чудеса, тут леший бродит, русалка на ветвях сидит...

Так-то, дядя! (Хлопает ее по плечу.)

Юля. Я не дядя.

Федор Иванович. Будем рассуждать мирно. Слушай, Юлечка. Я прошел сквозь огонь, воду и медные трубы... Мне уж тридцать пять лет, а у меня никакого звания, кроме как поручик сербской службы и унтер-офицер русского запаса. Болтаюсь между небом и землей... Нужно мне образ жизни переменить, и знаешь... понимаешь, у меня теперь в голове такая фантазия, что если я женюсь, то в моей жизни произойдет круговорот... Выходи за меня, а? Лучшей мне не надо...

Юля (смущенно). Гм... Видишь ли... Сначала исправься, Феденька.

Федор Иванович. Да ну, не цыгань! Говори прямо!

Юля. Мне совестно... (Оглядывается.) Постой, как бы кто не вошел или не подслушал... Кажется, Вафля в окно смотрит.

Федор Иванович. Никого нет.

Юля (бросается ему на шею). Феденька!

Федор Иванович. Тьфу! Испугали! Откуда вы взялись?

Соня. Юлечка, поздравляю! И я тоже, и я тоже!

Дядин. Это восхитительно! Это восхитительно!

Занавес